

# АЛЕКСАНДР ЛОЗОВСКИЙ

В

НЕВЕЕСОМОСТИ

ДВА РОМАНА

Коллекция современной прозы

Александр Лозовский

**В невесомости два романа**

«Региональное отделение продюсерского центра  
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 821.161.1  
ББК 84(2 Рос=Рус)6

**Лозовский А. Р.**

В невесомости два романа / А. Р. Лозовский — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2018 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907042-09-4

Не думал, что повесть моего давнего друга произведет на меня такое впечатление. Прочтите. Это наши люди в ненашей жизни. М. Жванецкий ... Лозовский обладает уникальным даром увлекательного письма. Его стиль – причем независимо от того, описание ли это простых взаимоотношений в семье, или глава с головокружительным сюжетом – втягивает читателя буквально водоворотом. Валерий Хаит, главный редактор одесского журнала «Фонтан» Встреча с Александром Лозовским – несомненно большая удача для журнала «Радуга», его читателей и лично для меня. Удача, помноженная на многолетнее сотрудничество, – и в результате столько ярких впечатлений, неожиданных открытий, радости общения и с самим незаурядным писателем, и с его замечательными произведениями. Юрий Ковальский, главный редактор журнала «Радуга»

УДК 821.161.1  
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907042-09-4

© Лозовский А. Р., 2018  
© Региональное отделение  
продюсерского центра при  
Интернациональном Союзе  
писателей, 2018

# Содержание

В невесомости	8
Часть первая	9
1	9
2	12
3	15
4	19
5	20
6	22
7	24
8	28
Часть вторая	34
1	34
2	36
3	38
4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

# **Александр Михайлович Лозовский**

## **В невесомости два романа**

© Александр Лозовский, 2018

© Интернациональный Союз писателей, 2018

\* \* \*



Лозовский Александр Михайлович.  
Родился, учился в школе и окончил ВУЗ в Одессе.

В 50-е годы вместе с Романом Карцевым, Виктором Ильченко и Михаилом Жванецким стоял у истоков знаменитого студенческого театра «Парнас-2».

Работал ведущим конструктором в ОКБ в разных городах СССР.

Гражданин Израиля с 1990 года.

В 2007 году опубликовал в киевском журнале «Радуга» свой первый роман «Формула успеха», который спустя некоторое время вышел отдельной книгой.

С тех пор автором было написано десять романов: «В невесомости», «Двадцать пятый кадр», «Хорошо забытое новое», «Мохнатые слоны», две части эпопеи «Чужой», «Везунчик Митя» и др. Все они увидели свет на страницах журнала «Радуга». Издано пять книг средним тиражом до 1500 экз.

В прошлом году в журнале «Радуга» опубликован новый роман Лозовского «Фэнтэзи». Его презентация состоялась во Всемирном клубе одесситов 20 сентября 2017 г.

Ко всему этому стоит добавить, что практически все романы Лозовского вызвали большой читательский интерес. Автор стал лауреатом премий Владимира Даля, журнала «Радуга», премии им. Н.В. Гоголя, а украинская ассоциация ЛИК (Литература, искусство, кино – XX век) назвала одну из его книг лучшим романом года на русском языке.

## **В невесомости**

*Совпадения имен, отчеств и фамилий являются случайными, все остальные совпадения неслучайны.*

*Автор*

*Из зеркала на него в упор, не мигая, смотрел солидный немолодой человек. Для многих скорее пожилой. Лет семьдесят с небольшим хвостиком, с каким – не стоит уточнять. Как говорила равнодушная к нему соседка Ция, он «выглядел на свои годы». Впрочем, если быть самокритичным, возможно, она ему льстила и на вид было чуть больше. Но ненамного, на два-три года от силы. Лицо интеллигента, научного работника, немного аскетичное, хотя не худое. Вертикальные складки вдоль щек, четкие горизонтальные линии на лбу. Две короткие черточки над переносицей. Стандартная лысина, узенький венчик седых волос. Нос великоват, но здесь, в Израиле, это значения не имело. Правда, без очков лицо становилось немного растерянным и незащищенным. Но если их водрузить (Наум так и поступил), то облик приобретал решительность и основательность. Такого лица можно было не стыдиться. Даже коренные израильтяне, смотревшие на «русских» эмигрантов традиционно свысока и с пренебрежением, говорили с ним довольно вежливо, не только в организациях, но и в транспорте, и в магазине. «Доктор!» – частенько обращались к нему незнакомые аборигены. Это льстило, тем более что он здесь, на исторической родине, действительно считался доктором: именно так, солидно, звучала в Израиле не слишком уважаемая в Союзе степень кандидата наук.*

## Часть первая Жертва пешки

### 1

Первоисточником всех пертурбаций в их судьбе, безусловно, была жена Наума Светлана. Светочка. За почти тридцать совместно прожитых лет она, по его мнению, не изменилась ни внешне, ни внутренне. Энергии в ней с избытком хватало на двоих – и на себя, и на мужа. И еще оставалась лишняя, которую Светочка в молодые годы расходовала на неожиданные авантюры под принятым в их семье условным названием «комбинации». Жизненный опыт и годы ее несколько не охлаждали. Половина из этих авантур с блеском удавалась, половина проваливалась полностью. Но жизненного кредо Светочки это не изменяло, потому что она начисто забывала провалы – таково было свойство ее памяти. Время от времени она меняла работы, квартиры, организовывала неожиданные экскурсии – к примеру, в тундру – и привозила оттуда на продажу панты – рожки молодых оленей, и прочее в этом же роде. До поры до времени это было не только терпимо, но даже интересно. А Наум так и не научился противиться ее инициативам. Просто не успевал. Для этого он был слишком инертным и медлительным.

«Уж если годы над ней не властны, то куда мне, грешному», – оправдывался он перед знакомыми. И перед собой. И это было очень похоже на правду. Она действительно на удивление мало изменялась с возрастом. И по сей день – редкий случай – у нее почти не было седых волос. Трудно поверить, но даже вес ее за эти годы не изменился. Может быть, потому, что она с юности имела очень прочный задел. Светочка и тридцать, и сорок лет тому назад была столь же упитанной и столь же крупной девицей. Черноока, черноброва. Типичная Оксана. Свои внешние данные она получила вместе с фамилией Кириченко и национальностью «украинка» в наследство от отца, рубахи-парня и бравого летчика, который куда-то безвозвратно улетел, когда ей еще не было и трех лет. От матери, тихой прибалтийской еврейки и по совместительству преподавателя биологии, она унаследовала только одно качество – отсутствие антисемитизма. Тоже немало. Фамилию Кириченко Света оставляла при любых жизненных обстоятельствах, а национальность меняла по мере необходимости.

Они с Наумом были одного роста, 170 сантиметров, но Светочка выглядела значительно крупнее. Несмотря на довольно солидный вес, она всё делала на удивление шустро, что тоже выглядело контрастом по сравнению с немного заторможенной вальяжностью мужа.

«Единство противоположностей», – время от времени сообщал Наум, склонный к многозначительному изречению прописных истин и расхожих цитат. В этом пристрастии он не видел ничего плохого: зачем изобретать велосипед, когда на все случаи жизни есть давным-давно проверенные отличные изречения, поговорки и афоризмы.

Стоит остановиться на главном, может быть, отличии в характерах супругов. Светочка была такой, какой казалась. Ей ничего не нужно было изображать или придумывать. В основе ее натуры лежали здравый смысл и любовь к жизни. Этим определялись все ее поступки. Я уже говорил, что неудачи не выбивали ее надолго из колеи. Даже измену первого мужа и последующий развод она восприняла без надрыва. И спустя год захомотала входящего в круг близких знакомых старого холостяка (на десять лет старше ее) Наума, который не слишком сопротивлялся этому. Наум по сей день подозревает, что еще до ее развода он был зарезервирован Светочкой как вариант «комбинации» при остывающем на глазах бывшем супруге.

И все-таки это не был голый расчет, как может показаться. И последующие двадцать семь дружных лет (срок немалый) это подтвердили. «Жили они долго и счастливо», – любил под настроение информировать окружающих Наум. Так оно и было... до поры до времени. Одна

беда – у них не было общих детей, основы семейной надежности. И не могло быть. Света на излете первого брака сделала аборт. Неудачно. Но Наум знал, на что идет, и решил, что один ребенок на двоих – ее сын Женя – тоже неплохо.

Итак, со Светланой Кириченко, украинкой в Советском Союзе и еврейкой в Израиле, мы разобрались. С Наумом было сложнее. Да и могло ли не быть сложностей в характере человека, который графу ФИО в многочисленных анкетах, сопровождавших нас в те времена на каждом шагу, заполнял так: «Наум Меерович Сипитинер»? И весь облик его вполне соответствовал этому имени, отчеству и фамилии.

У Наума хватало скрытых и явных комплексов. Кроме общееврейских, еще и энное количество своих собственных. К общееврейским комплексам относится (надеюсь, никто не станет с этим спорить) чуть ли не от рождения укоренившееся сознание, что всю жизнь придется преодолевать предубеждение окружающих. Но преодоление далеко не всегда окажется ему по силам, и тогда придется смиряться с этой несправедливостью и терпеть. Иногда уклоняться, иногда утираться, но... всегда терпеть. Такова судьба еврея везде, а на бескрайних просторах СССР – в особенности. Не знаю, как насчет поэта в наши смутные времена, но определенно и по сей день «еврей в России больше, чем еврей». И, боюсь, надолго.

В комплекте с непреходящим чувством обиды и для уравнивания отрицательных эмоций Наум получил в наследство еще один общееврейский комплекс. Я имею в виду очень сомнительное, но популярное убеждение в интеллектуальном превосходстве евреев. Генетически наследуемый «еврейский ум», по убеждению многих, является, с одной стороны, следствием, но одновременно и причиной многовековых гонений. А раз так, то Наум как истинный представитель еврейского народа считал своим долгом отработать этот дар по полной программе и добиться успеха в жизни любой ценой.

Он был добросовестным, трудолюбивым и дисциплинированным, но успехи давались с большим трудом. Да и особыми успехами их не назовешь. Наверно, его предки генетически передали ему не столько таланты, сколько выкованное веками свойство отличаться от остальных. Или не слишком ладить с окружающими, чем евреи нередко грешат, а ведь это, в принципе, одно и то же. То, что у Светы было естественным, природным – умение легко вписываться в любую обстановку, – ему давалось с трудом. Наум не мог жить в согласии с собой и миром, как ни старался, какие огромные и сознательные усилия к этому ни прилагал.

Родители его были малограмотными евреями – первое поколение, перебравшееся из маленького еврейского местечка в большой город. Мать – громкоголосая, хозяйственная, но не слишком аккуратная, традиционная «идише мама», отец – маленький бессловесный подпольный делец. Артельщик, как это тогда называлось. Судя по доходам семьи, он не напрасно рисковал свободой: кое-что у них было, включая дачу.

Науму в родительском доме шарм, как вы понимаете, приобрести не удалось. Пришлось вырабатывать его искусственно, самовоспитанием. Он неуклонно старался приобрести привычки солидного, глубоко интеллигентного человека, всегда сдержанного, тактичного, умным и добрым взглядом посматривающего сквозь очки на окружающих. Со временем внешне стало получаться, и все-таки... все-таки контакты с людьми ему давались не слишком легко. Особенно с сотрудниками и начальством. Чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, ворчливое недовольство. Может, и зависть, в чём Наум даже самому себе не хотел признаваться. А это успехам не способствовало. Трения могли бы быть компенсированы серьезными и очевидными способностями, но для всех Наум оставался только добросовестным и неглупым работником с не слишком, увы, легким характером. В НИИ пищевой промышленности, где он много лет протрубил не за страх, а за совесть в ранге начальника сектора, на должности чисто символической, его обходили многие, в том числе и евреи. И кандидатскую диссертацию он защитил только в тридцать восемь лет. О ней упоминать Наум не любил, потому что в названии, наряду с красивыми научными словами, были и «картофельные очистки». Какая организация,

такая и диссертация. Завотделом был некто Сиперштейн, лет на десять моложе его и даже не кандидат. Как можно было объяснить всё это самому себе? Только одним: в отличие от иных конъюнктурных приспособленцев, его в первую очередь интересует само дело, а не отношения с начальством. Примерно так. Впрочем, Наум в глубине души и сам в этих объяснениях сомневался.

«Принципиальный ты наш», – добродушно посмеивалась над ним Света. Но ничего от него никогда не требовала. Она не ждала от него трудовых и карьерных подвигов. Впрочем, человек он был неплохой, хотя, с точки зрения ее подруг, немножко нудный. Зато надежный и внешне довольно-таки симпатичный, если не обращать внимания на некоторую зажатость и закомплексованность. Она и не обращала.

Изменяла ли ему Света? Вряд ли. А если и было что-то когда-то, то всё проходило бесследно. Исповеди и раскаяния ждать не приходилось – не тот характер. А Наум – нет, определенно нет. Адюльтер в программу Наума не вписывался.

«Комбинация», которая круто изменила течение их жизни, была затеяна Светой почти двадцать лет тому назад, еще до перестройки. На очередной ее работе появилась возможность получить квартиру. Для этого Света должна была не быть замужем и не иметь жилплощади. Наум и рта не успел раскрыть, а решение уже было найдено и осуществлено. Света развелась с ним из-за «несходства характеров», затем «переехала» на квартиру к подруге, то есть купила ей диван и раскладушку и поставила под ними свои и Женины тапочки. Продолжала жить, разумеется, у себя дома. Всё оставалось по-старому, только она не отвечала на телефонные звонки и не открывала двери, если Наума не было дома. Такой вариант был далеко не редкостью при советской власти. Да и на ее работе почти все знали, что развод фиктивный, но общительной и обаятельной Светочке никто не хотел подставлять ножку. Тем более так сложилось, что в этой квартире на выселках никто особенно не был заинтересован.

– Зачем она нам, у черта на куличках? – спрашивал Наум.

– Много ты понимаешь. Будет у нас дача. Через пару лет там будет чудный дачный район.

Квартиру Света получила. И оказалась права: свои пятьдесят процентов успеха эта «комбинация» отработала. Там действительно через несколько лет вырос элитный дачный район. А пятьдесят процентов провала заключались в том, что в это время их семья уже была в Израиле. Впрочем, формально по-прежнему не семья.

В восемьдесят девятом году началась эпопея повального отъезда евреев, полуевреев, на четверть евреев и многих примкнувших к ним в Израиль. Это вполне можно было считать «комбинацией», но слишком массовой и слишком опасной даже для Светы. Ей и в Союзе было комфортно. А в те годы у всех была стопроцентная уверенность, что не только назад вернуться не удастся, но даже увидеться с теми, кто оставался. Прощаясь, уезжающие и провожающие проливали слёзы, как на похоронах. Это было страшно. Авантюра Свету влекла, а Израиль – не очень. У Наума всё было наоборот. Он по рождению, фамилии, произношению и всему своему облику вынужден был быть еврейским националистом в советском варианте. Но привыкать к новым контактам, другому образу жизни... И он вопросительно смотрел на свой локомотив – Свету. Больше смотреть было не на кого: к этому времени их родители умерли, законопослушно не нарушив границу невысокой среднестатистической продолжительности жизни в великом и могучем Советском Союзе.

Но Светочка не решалась. Это, безусловно, была авантюра, огромный риск, но не «комбинация». Смысл «комбинаций» был в оригинальности решения и удивлении окружающих. А тут? Выезжали сотни тысяч человек, возникало стадное чувство, противиться которому для имеющих возможность уехать становилось всё труднее. Соблазн вырваться из закрытых границ «лагеря», которые вскоре – никто не сомневался – опять станут непроницаемыми, был очень силен, особенно у евреев. Подталкивала и абсолютная пустота в продовольственных, да

и всяких других магазинах. Дело шло, казалось, к голоду и полной разрухе, а значит, не исключено, – и к возможным погромам. Нужно было принимать решение.

И неутомимая Светочка даже в этом массовом заплыве нашла свою «комбинацию», а это, как вы понимаете, перевесило все сомнения. Ей удалось выяснить, что все пособия и любая помощь в Израиле на семейную пару не в два, а только в полтора раза больше, чем на одиночку. То есть двое одиночек получают на половину пособия больше, чем пара. Как удачно, что они с Наумом сейчас в разводе! Грешно не воспользоваться таким преимуществом. Лишние пособия – это серьезное подспорье при неудачном развитии событий. А под старость, которая не так уж далеко, – тем более. Ехать! Ехать в разводе, как чужим людям, благо оба евреи по Галахе. Фамилии разные, кто догадается? Ехать!

## 2

Манна небесная в Израиле их не ожидала. Прежде всего, «комбинация» с разводом лопнула, доставив попутно массу неприятностей. Приехали они в страну, которая занималась эмигрантами со дня своего рождения и знала все хитрые варианты «еврейских голов». Наум со Светой сняли, разумеется, одну квартиру (денег и на одну не хватало), и первая же внезапная комиссия обнаружила две пары тапочек под одной большой, явно семейной кроватью. Почти год после этого происходила путаница с выплатами, тянулись бесконечные хлопоты и объяснения с бестолковой и ленивой израильской бюрократией. В конце концов они письменно признались в прелюбодеянии и объявили себя семьей. Постепенно бюрократы отстали и успокоились. Так они и жили в узаконенном всеми заинтересованными организациями гражданском браке. Ехать для оформления нового светского брака за границу не было ни денег, ни желания, а других, нерелигиозных вариантов в единственной демократии на Ближнем Востоке не было.

С работой вначале было еще терпимо. Израиль первый год «большой алии» относился к репатриантам из СНГ с симпатией и искренне пытался помочь им приспособиться к новым условиям. Каждому полагался для изучения иврита трехмесячный бесплатный ульпан, который Науму совершенно не помог.

«*Старость – не радость*», – объяснил он свои «успехи» на выпускном вечере на чисто русском языке. Все с ним согласилось.

Несмотря на это, доктора Наума Сипитинера (свой человек!) приняли в специально организованную для советских ученых технологическую теплицу, где два года выплачивали минимальную зарплату в надежде, что он что-нибудь изобретет. Света закончила бесплатные торговые курсы и поступила на работу в престижный магазин одежды.

Но продолжалась идиллия недолго, меньше трех лет. Наум уступил свое место другому ученому – очередь поджимала. А Свету просто уволили: было полно репатрианток, более молодых и симпатичных, согласных работать на любых условиях, и нередко во всех смыслах (о русских женщинах поползли самые невероятные и пикантные слухи). Любовь израильтян к «русским» репатриантам неожиданно и резко превратилась в плохо скрываемую антипатию. «Подъемные» пособия закончились, и пришлось нашим героям переходить на подножный корм. Науму удалось устроиться охранником – читай сторожем, а Света влилась в основной контингент эмигранток старше сорока лет: занялась уборкой в квартирах израильтян и уходом за престарелыми и инвалидами.

К чести Наума и Светланы нужно сказать, что они не впали в отчаяние и не стали посыпать голову пеплом. Старались держаться на плаву, и им это удавалось. Солидный возраст Наума позволял получать небольшое социальное пособие. Вместе с подработками, иногда по черному, на жизнь хватало. Утешало и то, что, судя по сведениям из Одессы, они немного потеряли. Организации, в которых они там работали, разогнали, их бывшие сослуживцы подались в различные фирмы, в основном торговые. Что там с ними было бы? Один бог знает.

Потеря их прежнего статуса в Израиле очевидна, но это явление массовое. «На миру и смерть красна», – втолковывал желающим слушать Наум.

Со Светланой было всё ясно. Ее здравый смысл и оптимизм помогали выжить в любой обстановке. А как себя чувствовал бывший ученый, а ныне сторож Наум? Как ни странно, он тоже не испытывал особых страданий от утраты своего статуса кандидата наук. Даже, пожалуй, в глубине души был доволен тем, что избавился наконец от комплексов, дискомфорта, огорчений и обид, связанных с его якобы научной работой. Особенно когда узнал, что в «технологическую теплицу» не приняли его бывшего начальника Сиперштейна, который так и не защитил диссертацию. В сознании Наума постепенно происходили довольно типичные для пожилых эмигрантов изменения. Должность начальника сектора, его роль в бюро и вообще в советской науке со временем и на расстоянии превращалась в нечто значительное и важное. Уважение к себе, как ни странно, возросло, комплексы и обиды улеглись.

А как ему удалось простить Израилю свой новый статус сторожа? Удалось. Простил.

«Я уже немолод, страна маленькая, всё время воюет. Зато я впервые в жизни перестал напрягаться при слове «еврей». Это дорогого стоит! Это моя страна, и я ей обязан. И ничего не дал взамен, только беру. Какие тут могут быть обиды?»

Всё возмущение и негодование Наум направил против врагов, которые не дают нормально жить новой родине и даже угрожают самому ее существованию. Если бы не они, всё, разумеется, было бы иначе. А собственную значимость Наум поднимал за счет того, что уверовал в распространенную в израильском национальном лагере теорию ментальной порочности арабов. «Они понимают только силу! Они от рождения враги цивилизации, враги всего демократического мира», – все эти клише были попытками оправдать в собственных глазах моральную сомнительность такой бескомпромиссной черно-белой позиции. Наум все-таки был по советским меркам интеллигентным человеком, ему тяжело было признаться себе в том, что такая точка зрения, в сущности, сводится к очень простому: они, арабы, от рождения плохие, а мы, евреи, от рождения хорошие. Уж слишком это что-то напоминало...

Тем не менее большинство русскоговорящих израильтян придерживалось таких же взглядов. В число единомышленников входила в полном составе и их более или менее постоянная компания, сколоченная, естественно, Светой. Это были несколько семей с Украины, приехавших примерно в одно время. Мужья поголовно евреи, жены самые разнокалиберные – типичная для «большой алии» ситуация. На совместных пикниках доставалось и палестинцам, и местным арабам. Самым мирным из предлагаемых решений было выселить их к чертовой бабушке в другие страны. Вполне возможно, что это был так необходимый им предохранительный клапан, куда выпускалось всё накопившееся с годами эмиграции недовольство. Ругать Израиль, «лить воду на мельницу антисемитов» никому не хотелось. Это, по существу, значило бы признать эмиграцию ошибкой. Слишком тяжелый вывод. Кстати, вот вам одна из существенных причин, по которой новые репатрианты из СНГ почти поголовно становились яркими ультрапатриотами.

Жизнь, увы, с каждым годом требовала всё большего напряжения. И это было естественно. Они не молодели, Света уже не могла заниматься относительно прилично оплачиваемой уборкой и перешла на малоденежную и морально тяжелую работу – уход за престарелыми. Вскоре Наума уволили, так как сторожам старше шестидесяти пяти лет работать по ночам запрещалось во избежание неожиданной кончины на боевом посту. Наум по пятницам мыл две лестницы в соседнем доме и изо всех сил старался облегчить домашние хлопоты Свете и Жене. А в свободное от этих забот и чтения Ницше время слушал политические передачи на русском языке, начём свет стоит ругал арабов и порицал евреев за мягкотелость и недостаточно жесткие меры. Он никогда не был особенно чутким к реакции окружающих и совершенно не замечал, что в собственной семье сочувствующих уже давно не было. Зато постепенно появились убежденные противники его ура-патриотических взглядов.

Открытую оппозицию возглавил пасынок Наума Женя.

*«Маленькие дети – маленькие хлопоты, большие дети – большие хлопоты»*, – так не слишком оригинально, но убедительно описывал свои отношения с Женей Наум.

Когда они со Светой поженились, Жене было пять лет. Уже довольно большой мальчик, многое осознавал и многое помнил. И очень любил папу. Папа был веселый, легкий человек. Он не мог ужиться с общественным и семейным темпераментом Светы и поменял ее на мягкую домашнюю жену. В семье у него всегда было легко, уютно и сытно. Ухоженные детишки – брат и сестра, вечно что-то напевающий, довольный собой и всеми вокруг глава семьи. Контраст не в пользу Наума. Это сразу создало сложности между отчимом и пасынком. Наум даже не делал попыток называться папой: это было нереально. На всю жизнь остался Ньюмой. Шансов заслужить любовь и полное доверие Жени у него практически не было. Из людей такого типа, как Наум (вы и сами, наверно, уже поняли), хорошие педагоги не получаются. А здесь был очень непростой случай. Ребенок был сложный, умный, толковый, но то ли от природы, то ли в силу описанных обстоятельств малоуправляемый.

И все-таки стабилизация отношений произошла. В свое время гордая Света отказалась от алиментов, а поющий папа с легкостью необыкновенной с этим согласился. О своем первенце он вспоминал от случая к случаю, и даже в день его рождения не всегда. В конце концов взрослеющий Женя начал осознавать, кому он нужен, а кому до лампочки. Наум, в сущности, был добросовестным, доброжелательным человеком, он любил Свету и дорожил своей семьей. Постепенно отношения стали равными, хоть и без особой теплоты.

Так продолжалось до переезда в Израиль. К сожалению, эмиграция обладает способностью, как сказали бы медики, обострять хронические заболевания. Так произошло и в этой семье. Как и большинство детей новых репатриантов, Женя оказался не в восторге от встречи с новой родиной. Основания для этого были: эмигрантов везде встречают не слишком приветливо. А дети страдают от неприязни окружающих больше всего. Но общие трудности на первых порах сплотили семью, тем более что в начале пути, как я уже говорил, стыдиться особо было нечего. Зато когда Наум пошел в сторожа, а Света – в уборщицы, Женя стал ощущать некоторую неловкость. Но основные перемены произошли после того, как в честь шестнадцатилетия ему дали возможность отправиться в гости к отцу. Инициатором этой поездки был большой демократ Наум.

Женин отец, Василий Николаевич Беляев, к этому времени стал в Одессе бизнесменом средней руки. Он держал магазин и что-то там еще по мелочам. Принадлежал ему и небольшой, но уютный особнячок в тихом элитном районе. Словом, контраст был очевиден. Женин отчим Наум Сипитинер (в Израиле даже лишившийся отчества) в своей родной еврейской стране был нищим парией. И если бы только это! Он перестал быть уважаемым членом общества. Самое интересное, что это отношение не слишком зависело от национальности в глазах общественного мнения. Все новые репатрианты чохом зачислялись в графу «русские» и в той или иной степени находились в этой дискомфортной зоне.

После поездки в Одессу Женя понял, как хорошо и приятно не выпадать из общего потока. На Украине он был бы таким, как все. Нормальным человеком. Антисемитизм ему не угрожал. Кого могла заинтересовать далекая еврейская бабушка по маминой линии из Литвы? Казалось бы, по аналогии он должен был понять, почему Наум так ценит не слишком церемонившийся с ним Израиль и столь многое ему прощает. Но, к сожалению, так в жизни не бывает, особенно в молодом возрасте. И Женя незаметно для себя главную причину нелегкой перемены своей судьбы стал видеть в Науме. Как-то постепенно он забыл, что инициатором поездки была мама. Но мама явно проиграла вместе с ним, в эмиграции она оказалась на дне общественной жизни, стала прислужгой. Это была еще одна кровоточащая рана в сердце Евгения. Как Наум мог такое допустить? Какой это глава семьи и мужик, в конце концов? Все свои

и мамины неудачи он постепенно стал вменять в вину Науму. Их отношения портились, как в сказке, не по дням, а по часам.

Может, если бы Наум почувствовал изменения в настроениях Жени, если бы хоть немного поумерил громогласную и безапелляционную защиту бедного, всеми обижаемого Израиля, раскол происходил бы не столь стремительно. Все-таки вначале в сопротивлении Жени значительную роль играло естественное для подростка чувство противоречия. Да и любого невольно заставил бы возражать менторский тон, который почему-то прорезался последнее время у Наума в «воспитательной работе» с пасынком, явно не испытывающим особой благодарности к приютившей его стране. Почему такое происходит? Может быть, потому, что наша правда доступна только настоящему еврею, а Женя, как ни крути, еврей лишь на четверть... Об этом – упаси бог – не говорилось вслух, но мысли нередко жают больнее слов.

Не способствовали дружбе и очевидные ранние успехи Жени у противоположного пола. Он стал высоким интересным парнем, и начиная с восьмого (!) класса в его комнате стали задерживаться до утра подружки. Наума это, разумеется, шокировало до крайности, но командарм Света объявила его отсталым и несовременным, а под горячую руку и попросту ханжой. Во многих израильских семьях такое поведение молодежи, точнее подростков, было обычным делом.

– Пусть лучше мальчик делает это дома, чем где-нибудь в компаниях с бутылкой водки. Пройдись по нашему парку – увидишь и услышишь такое!.. Ты этого хочешь?

Действительно, из близлежащего довольно запущенного парка по вечерам и допоздна доносились не слишком трезвые мужские и девичьи голоса. Весь район мог бесплатно проходить курс российской неформальной лексики. Что там происходило, ни для кого не было секретом. Но Наума это не убеждало: «ханжеское» воспитание слишком въелось в плоть и кровь. Почему должны быть только крайности? Есть же что-то более приличное? На открытый бунт он не решался, но по утрам встречал «задержавшихся» соучениц Жени мрачно и неприветливо.

– Ходит как сыч, – довольно громко резюмировал «мальчик».

Наум изо всех сил старался этих слов не расслышать.

### 3

Школу Женя закончил с грехом пополам. Способности не слишком помогли. К сожалению, не было у него того, что было в избытке у Наума, – упорства и трудолюбия.

Женя от звонка до звонка отслужил положенные три года в армии. Впрочем, не без скандалов и гауптвахты. Пожалуй, надежды Наума на то, что армия научит «мальчика» уму-разуму, не оправдались. К его удивлению, в лучшей армии Востока оказалось слишком много демократии и мало дисциплины.

Большую часть службы Женя провел на территориях, охраняя поселенцев. После демобилизации стало ясно: в Израиле ему не жить. Его приговор ситуации «поселенцы – Израиль – палестинцы» был столь же бескомпромиссен, как и взгляды Наума, но со знаком минус. Поселенцы не работают и работать не будут, агрессивны, фанатичны, они не дают никому покоя. Арабы тоже не подарок, но жизнь их ужасна и унизительна по вине Израиля. Конца этому не будет, а будет серьезное кровопролитие. Всё это было сказано резко, четко, безо всяких вопросительных и сомневающих интонаций.

– Но почему, почему ты во всём винишь Израиль? Ведь нам не с кем разговаривать. У нас нет партнера по переговорам. Что может Израиль сделать? С кем говорить?

– Дело не в этом. Это всё демагогия.

– А в чём? Объясни бестолковому старику.

– Попробую. Там двести пятьдесят тысяч поселенцев. По всей Иудее и Самарии. По всей территории. Я на них посмотрелся. Они оттуда не уйдут, и у Израиля никогда не хватит сил их увести. Пока поселения на территории, там будет армия, иначе их всех вырежут за одну ночь. И ни один араб не вступится. Пока на территориях будут армия и поселения, не может быть там ни порядка, ни правительства – ничего. И никаких партнеров. Будет всё та же оккупация. Таким способом демократию не насаждают.

– А Германия? А Япония? После войны? Оккупация перешла в демократию, ведь так? История нас учит...

Женя его непочтительно перебил:

– Что ты сравниваешь?! Там не было поселенцев из Англии и Америки. Никто им колонизаторов не расселял и земли у них не отнимал. А это самое главное.

– И какой выход?

– Только тяжелая война и тяжелое поражение Израиля. Только если кто-то насильно выкурит оттуда поселенцев, мы сможем отделиться от арабов. Другого варианта нет.

Наум задохнулся от ужаса. Это было больше чем святотатство. Даже больше чем антисемитизм.

– А если будет война, разве ты не должен защищать страну, которая тебя приютила?

– Не приютила, а позвала. Пригласила. Но дело не в этом. Я не хочу воевать на несправедливой стороне. И быть уверенным, что только наше поражение принесет мир. Слишком это глупо выглядит.

Больше говорить было не о чем. Было ясно, что Женя отсюда уедет, Наум останется. Куда ему ехать, кому он нужен? А Света? Впервые Наум видел ее такой напуганной и потерянной...

Два года после демобилизации Женя болтался без дела. Не мог ни на что решиться. Начинать и бросал какие-то курсы. Работал ровно такой срок, какой был нужен для получения пособия по безработице, ни днем больше. Да, трудолюбие не было его коньком. Наум пытался вмешаться, но получил довольно грубую отповедь:

– Сидишь на пенсии, ну и сиди тихо у себя в комнате. Своих успехов ты уже добился. Дай попробовать другим.

Наум надулся и больше советов не давал. А Света безропотно взвалила на себя еще две работы, но упреков от нее никто не слышал.

Женя созрел. Он, никому из домашних не говоря ни слова, поступил на подготовительные курсы Техниона. Постепенно осознал, что для отъезда в серьезную страну нужно иметь хоть какое-то образование и специальность. Армия частично оплачивала первые годы дальнейшего обучения, и нужно было этим воспользоваться. Он мобилизовал всю свою – не слишком большую – волю и, опять-таки с грехом пополам, проучился три года в хайфском Технионе (один из них на подготовительных курсах), слегка подрабатывая по вечерам. До получения первой степени осталось меньше двух лет, включая экзамены. Рукой подать. Но не получилось. *«Человек предполагает, а бог располагает»*, – заключил Наум.

За это время в жизни Жени произошли очень важные события. Первое – он выиграл в лотерею (проводится такая в Израиле) грин-карту, прошел собеседование и получил разрешение на переезд в США. И второе – женился на своей соученице Наде, занимавшейся в том же Технионе. Она приехала по программе «Наале» – особой программе для выпускников школ, имеющих право на репатриацию, чьи родители не хотели переезжать в Израиль. Надя была внучкой еврея. Она уже защитила первую степень по химии и грызла гранит науки для получения второй.

Пара получилась очень симпатичная. Высокий стройный темноволосый Евгений и среднего роста, с отличной фигуркой, зеленоглазая блондинка Надя. Крашеная блондинка, но всё было в меру и общего впечатления не портило. Оформили бракосочетание на Кипре – в Израиле нет брака для неевреев, свадьбу отпраздновали в ресторане.

А вслед за этим произошло третье, незапланированное, но очень тесно связанное со свадьбой событие: по недосмотру родилась у них чудная девочка Верочка. «Семь раз отмерь, а один отрежь», – что точно имел в виду Наум, неизвестно, но догадаться можно. Произошло это настолько быстро, что молодые даже не успели снять собственную квартиру.

Итак, родилась еще одна русская на еврейской земле. Тут уже даже Наум осознал, что новой семье Беляевых придется уезжать.

Помогло ему убедиться в этом министерство внутренних дел Израиля.

При оформлении новорожденной у бдительных чиновников неожиданно вызвала подозрение бабушка Светлана Кириченко с вызывающим отчеством Ивановна. Света родилась в Литве в сорок пятом году незадолго до Победы. Время было горячее, наша страна освобождала одних, расстреливала и сажала других. Дел невпроворот. Отец Светы был солдатом-освободителем, а его фронтовая подруга-жена не смогла следовать дальше за своим госпиталем и осталась рожать в Клайпеде. Может, действительно в те смутные времена свидетельство о рождении было оформлено не слишком идеально, а скорей всего, это было очередное служебное рвение на популярной в Израиле ниве «еврей – нееврей», «настоящий – ненастоящий». Короче, Верочка в таком случае оказывалась правнучкой еврея. Этот статус требовал особого оформления, с какими-то временными правами, сроками и определенными условиями. Никто толком в этих сложностях не разбирался, потому что правнуки евреев, родившиеся в Израиле, еще были редкими исключениями.

С группой подозреваемых обошлись довольно вежливо, еще по-божески, только отобрали у всех документы и месяца три не давали никакого ответа. Но три месяца на пороховой бочке оказалось совсем немало. Даже Света похудела на пять килограммов. Затем документы вернули со словами: всё в порядке. МВД связывалось с Литвой и получило соответствующие подтверждения. Разумеется, никаких извинений не было: в израильском МВД это не принято. Объяснили, что, если бы Женя не отслужил в армии, результат мог бы быть другим. Но и такой вариант был достаточно убедителен. Без лишних слов все поняли, что пора паковать вещи.

Пора паковать вещи.

Света выглядела просто-таки оглушенной, она не отходила от Верочки ни на шаг.

Растерянный и испуганный Наум без особой надежды пытался остановить катастрофу. Он мямлил, что это просто отдельный несчастный случай. Женя только пожал плечами:

– Насмотрелся я на эти отдельные случаи, пока сидел в приемных. Неевреи в Израиле не могут быть спокойны, вокруг них все время что-то происходит.

– Но это не может, не может быть правилом, – скорее убеждал себя самого Наум.

Женя с иронией посмотрел на отчима сверху вниз, в прямом смысле сверху вниз – он был на голову выше Наума.

– Ну не правило, так тенденция. Какая главная цель Израиля? Основная? Создание еврейского государства. Государства для евреев.

– Так, – согласился Наум. – Конечно, государства для евреев.

– А раз так, то любой нееврей в стране – лицо в принципе нежелательное. В принципе. Он одним своим присутствием уже мешает главной задаче. Во всяком случае, не помогает, это безусловно. Отсюда и последствия. Страна при такой основной цели не может быть справедливой. У меня две нееврейки, которые будут рожать неевреев. Что им тут делать, в национально озабоченной стране?

– И религиозно озабоченной, – добавила Света.

Это было демонстрацией поддержки. Она прежде никогда не вмешивалась в разговоры такого рода. И вот нейтралитет был нарушен. Во-первых, она в глубине души хотела, чтобы дети жили там, где нет постоянных войн, – вполне законное желание матери. Но был еще один мотив. Света недавно нанялась к новым хозяевам, ультраортодоксам, пожилой паре примерно такого возраста, как Наум, немного моложе. Хозяин был довольно важным в своей среде чело-

веком, членом одного из религиозных советов, которые в Израиле обязательно состоят при любой, даже самой малюсенькой мэрии. Один-два раза в неделю он надевал тщательно отглаженный для такой цели костюм и уходил на пару часов на заседания. Это была его работа. В Израиле эти религиозные чиновники получают немногим меньше депутатов кнессета, так что семья была достаточно обеспеченной. Хозяйка не очень скрывала свою уверенность в том, что нерелигиозные евреи – вообще никакие не евреи. И Светиной золовке нужно пройти гиюр, если она хочет быть не хуже других. Религиозная чета гордилась тем, что у них 95 прямых потомков. То есть детей, внуков и правнуков, без учета их жен и мужей (такое, надо сказать, не редкость в ультраортодоксальных семьях). Согласитесь, был предмет для гордости. Девяносто пять! По восемьдесят детей в семье, ранние браки, пошло четвертое поколение. Все в вере, все служат Господу и соблюдают традиции. Мужчины в ешивах, женщины в семье. Семь раввинов. Трое в религиозном совете. Пятнадцать преподавателей ешив.

– А кто работает? – не удержалась однажды Света.

– Служение Господу – самое важное для еврея дело. А для чего мы создавали еврейскую страну? Если бы не мы, евреи уже давно в Израиле были бы в меньшинстве.

Определенно, прямое потомство Светы, состоящее всего из двух человек – Жени и Верочки, заведомо проигрывало будущее их потомкам и количественно, и качественно. Высшая математика здесь не требовалась.

Все были наслышаны об этой истории. Света не из тех, кто таит в себе неприятности. Было понятно, кого конкретно она имеет в виду.

– Инкубатор какой-то, – неожиданно даже для себя пробурчал Наум.

Все с удивлением посмотрели на него. Это было явное отступление и намек на перемирие. Наступила сочувственная пауза.

– Ну хорошо, ехать нужно, – продолжил с горечью Наум. – Кто спорит! Но я бы на вашем месте прежде закончил Технион. Трудно, даже, признаю, обидно. Но всё налажено, и мы с мамой рядом. Когда еще будет такая возможность вам обоим получить дипломы? И будет ли вообще? Нужно уметь терпеть, в конце концов. *Терпенье и труд всё перетрут!*

И нарвался на очередной втык:

– У меня всю жизнь перед глазами пример терпенья и труда. Попробую иначе.

Наум опять надулся.

– Ладно, я предпочел бы быть плохим пророком, но боюсь... – и осекся под взглядом Светы.

А Надя? Она просто любила Женю и довольно равнодушно относилась к Израилю. Считала страну чем-то вроде промежуточной станции, где дальней ветви евреев создают хорошие условия для получения образования. Во всяком случае, эти условия были лучше, чем для детей репатриантов. Это называлось «большой эмиграционной политикой». Кроме того, англоязычные страны ее не пугали. Надя была во всеоружии, она еще чуть ли не с младших классов решила, что не будет жить в России, и с финансовой помощью всегда и во всем согласных с ней родителей закончила солидную частную школу английского языка. И училась и сдавала экзамены в Израиле тоже на английском. К сожалению, наши репатрианты такой возможности не имели...

Молодые оформили в Технионе необходимые документы для перевода в другое учебное заведение, и спустя два месяца семья Беляевых отбыла в Сан-Диего, где у Жени жили друзья, сбежавшие из Израиля еще раньше.

Наум со Светой остались вдвоем. Дети оказались очень далеко. Нелегкая, но, увы, обычная ситуация для наших репатриантов.

## 4

Переход был очень резкий. Несколько последних месяцев в их не слишком большой трехкомнатной квартире было шумно и тесно. Теперь наступила удивительная тишина.

– *То густо, то пусто*, – резюмировал Наум.

– У нас стало безлюдно, – поддержала его Света.

Наум долго обдумывал, обидеться ли ему на это замечание или согласиться с ним. Никакая подходящая цитата не приходила в голову— и он промолчал.

Итак, действительно, тишины могло бы быть поменьше. Затем появилось чувство, в котором они даже самим себе не признавались: их в пустой квартире стало как-то слишком много друг для друга. Общепринято, что, оставшись вдвоем, не слишком молодые родители еще больше сближаются. Возрастает взаимопомощь, поддержка, зависимость друг от друга. Да и потребность в этом, кстати говоря, увеличивается: годы здоровья не добавляют. Но перейти на новые рельсы не так просто, как это может показаться. Много в отношениях приходится заново перестраивать, снова нужно приспособливаться друг к другу, и чаще всего это не легче, чем в молодые годы. Физическое влечение, секс, который так сглаживал все нестыковки и противоречия в те счастливые времена... чтобы никого не обидеть, сформулирую так: всё это уже не играет столь существенной роли. Словом, новая жизненная ситуация требует серьезной перестройки семейных отношений, не уступающей по сложности горбачевской.

Чаша сия не миновала и Наума со Светой. Они никогда так подолгу не были наедине, а главное, в качестве «лиц без определенных занятий». Света отказалась от доброй половины работ – необходимости в этом уже не было. Да и сил тоже. Дел по дому с трудом хватало только на то, чтобы загрузить изнывающего в поисках занятий Наума. Читать ему было трудно, очень быстро ухудшалось зрение, и даже израильская медицина оказалась бессильной. Размышлять было решительно не над чем, приходилось скорее изображать задумчивость. Оздоровительные прогулки отнимали всего полтора, от силы два часа. Телевизионные сериалы он, естественно, не любил, а к политике после всех приключений последнего периода резко остыл и даже чувствовал к ней какую-то органическую антипатию. Оставалось обмозговывать так и не решенную проблему сотворения мира и всего с этим связанного. Время от времени – как лакомство – он позволял себе в малых дозах чтение Ницше, каббалы и какой-нибудь литературы о паранормальных явлениях. Но все эти вопросы требовали обсуждения. Наум остро нуждался в партнере по разговорам, а точнее, в слушателе. У Светы эти темы отклика не находили, ее вполне устраивали сериалы, любимая мемуарная литература и бестселлеры. Включая ненавидимые Наумом женские романы.

Связь с друзьями стала заметно сокращаться. Вся их компания постепенно тоже перешла на социальное пособие, и, в соответствии с израильскими законами, все остались без машин. Естественным образом прекратились субботние шашлыки – общественный транспорт, как известно, в эти дни не работает. Остался телефон, которым усердно пользовалась Света. Науму телефон был противопоказан – слишком несерьезное занятие, мирового значения проблемы по нему не объяснишь, тем более что без жестикуляции истинный еврей Наум мало что мог доказать.

В этой новой ситуации неизбежно было обострение противоречий. Света с удивлением обнаружила, какой он нудный. То есть она и раньше это понимала, но не до такой же степени! Как нелепы его «высокие поиски» или, как Света их про себя, а иногда и вслух называла, «завиральные идеи» на фоне мизерного социального пособия и в съемной квартире! А Наум осознал, что своими разочарованиями и несбывшимися надеждами поделиться не с кем. Вряд ли она, оторвавшись от телевизионного сериала «Дорогая Маша Березина», сможет его... ну если не понять, так хотя бы выслушать...

Но отступать было некуда, и в действие вступили защитные силы организма. Они постепенно осознали, что находятся на необитаемом, в крайнем случае, малообитаемом острове. Их двое, и никому до них нет, в сущности, дела. Кто из них цивилизованный Робинзон, кто дикий Пятница – деление чисто условное. Нужно быть реалистом.

И они, каждый по мере сил, начали приспособливаться. Наум стал меньше нести вслух наукообразную ахинею, Света научилась в определенной степени изображать интерес к теориям медитации и реинкарнации. Временами их можно было увидеть сидящими в обнимку на диване и внимательно наблюдающими за перипетиями мексиканского сериала. Объединяли их, естественно, и проблемы семейства Беляевых. *«Бытие определяет сознание».*

А тут еще Света стала от излишнего спокойствия поправляться, что было совсем ни к чему. Но «не было бы счастья, да несчастье помогло», – и Наум решительно взял контроль над ее весом в свои руки. С этих пор они в любую погоду дружно совершали довольно длительные совместные прогулки. Это уже было похоже на настоящую семейную идиллию.

В число важнейших развлечений входила бесплатная связь с Сан-Диего. Женя оставил им компьютер с программой Скайп и даже с видеокамерой. Теперь Света теоретически могла вести бесконечные разговоры и даже непосредственно наблюдать, как растет Верочка. Одна беда – взрослые заокеанские участники диалога были людьми слишком занятыми и слишком усталыми, чтобы больше двух-трех минут высидеть возле компьютера. И то далеко не каждый день. Положение усложняла и большая разница во времени – десять часов. Чтобы никого ночами не будить, из Америки можно было звонить только с утра, в первой половине дня или поздно вечером. А утром по будням всем было не до переговоров. Поэтому на практике сеансы связи проходили только в субботу. Но Света надеялась, что, когда Верочка подрастет, она будет ей на расстоянии вслух читать Корнея Чуковского.

Так они и жили.

Не знаю, соответствует ли это теориям Эйнштейна, но ближе к старости время в течение дня тянется бесконечно и уныло, а сама жизнь протекает невероятно быстро и со всё возрастающим ускорением. Недели, месяцы, годы – фьюить, фьюить, фьюить... Непонятно, как это сочетается, но факт остается фактом.

## 5

Пролетели, промчались два года. К счастью, Наум оказался плохим пророком: дела у семейства Беляевых продвигались неплохо. На удивление неплохо. Все-таки приехали они в новую страну, имея на руках только два незаконченных образования и полугодовалого ребенка, но ни копейки – почти буквально – денег. То есть без всякой подстраховки. О финансовых возможностях Наума и Светы вы знаете, о трудолюбии Жени догадываетесь, и все вместе они наскребли при отъезде только на билеты в один конец. И тем не менее всё складывалось вполне благополучно. Казалось, Соединенные Штаты на примере наших молодых и отчаянных решили напомнить сомневающимся, что являются страной неисчерпаемых возможностей.

– *Судьба Евгения хранила*, – удивлялся Наум.

Им действительно во многом везло. Анатолий, Женин друг в Сан-Диего, оказался серьезным и надежным парнем. Он заранее снял им по соседству с собой неплохой «трехбедрумный-апартамент», что в переводе на русский означало квартиру из четырех комнат, включая салон. Он же с согласия своей жены Любы, бывшей Жениной одноклассницы, одолжил им небольшую сумму на первое время, хотя они сами отнюдь не купались в роскоши. И даже порекомендовал интеллигентную русскоговорящую няню Беллу, эмигрантку из Черновцов, пятидесяти пяти лет, не нашедшую себе в новой стране другого применения. Она оказалась дамой, приятной во всех отношениях и достаточно чадолубивой. Белла была одинока и могла работать столько, сколько потребуется, даже при необходимости оставаться на ночь. Постепенно почти добро-

вольно (но за дополнительное вознаграждение) она взяла на себя и солидную часть домашних забот. Остановка была только за оплатой, что, как вы догадываетесь, являлось ахиллесовой пятой новых американцев. Няня стоила очень недешево. У нее оставалась в Украине дочь с двумя детьми и неудачным мужем, этот финансовый насос работал очень эффективно.

А зачем бедным эмигрантам вообще понадобилась няня? Всё было обдуманно. Само собой разумелось, что завершить образование одновременно двоим не удастся. Кодекс чести настоящего мужчины требовал, чтобы в первую очередь это сделала Надя. А раз так, то всё равно нужно было ребенка на кого-то оставлять. И выгоднее было Наде учиться и одновременно подрабатывать на полноценную солидную няню, чем придумывать различные комбинации. Во всяком случае, так было решено на семейном совете. И, видимо, решено разумно.

Но самое главное – тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, – Женя начал избавляться от своей инфантильности, стал проявлять энергию и растущее на глазах осознание ответственности главы семейства. То есть во всех этих успехах было не только везение. Уже через неделю после приезда он нашел довольно неплохую работу в небольшой частной фирме, занимающейся техническим обслуживанием компьютерных систем. Диплом соответствующих шестимесячных израильских курсов, два года обучения в уважаемом даже в Америке хайфском Технионе были только предпосылкой. Женя с блеском выдержал испытательный срок, он действительно был способным человеком и компьютерным фанатом. Правда, чтобы обеспечить необходимые семейные расходы, ему приходилось вкалывать по десять-двенадцать часов в сутки, мотаться по всему городу и даже по пригородам. Зато ему выдали служебную машину, которой он мог пользоваться и в личных целях. Тоже экономия.

И еще оказалось, что Женя очень выгодно женился. Разумеется, не в смысле богатства. Денег у Нади не было. Зато было кое-что другое, не менее важное.

Для Нади четыре года самостоятельной жизни в Израиле не прошли даром, да и от природы она была активной и не робкого десятка. Вскоре по приезде она поступила для продолжения учебы на химический факультет престижного Калифорнийского университета и еще до начала сессии доедала необходимые по новой программе предметы. Это было совсем непросто с учетом обрушившихся на ее голову забот, связанных с устройством на новом месте. Мало того, она сумела попутно решить очень непростую в Калифорнии проблему трудоустройства. Как-то само собой получилось, что на кафедре буквально все, начиная от секретарши, не говоря уже о мужском педагогическом составе, прониклись сочувствием к симпатичной русско-еврейской блондинке с обаятельной улыбкой, стройной фигуркой и отличным для смешанного населения Сан-Диего английским. О своем тяжелом положении эмигрантки она рассказывала с таким скромным достоинством, что это вовсе не выглядело мольбой о помощи. Ей с непривычной для этой снобистской организации легкостью предложили четыре часа в день на должности лаборантки здесь же, на кафедре. Формально говоря, основания для этого были серьезные – первая степень и отличные оценки в аттестате. Но местных химиков, выпускников этого же университета, примерно с такими же данными было более чем достаточно. Надя доказала, что скромное обаяние при прочих равных условиях играет не последнюю роль. Таким образом, она с самого начала почти зарабатывала на няню. Правда, только «почти», остальное тянул Женя. И это «остальное» со временем только увеличивалось.

Словом, в течение двух лет Света и Наум получали из Америки только хорошие или очень хорошие новости. Правда, вначале была небольшая заминка. Женя по старой израильской привычке как-то попытался продемонстрировать хозяину свое свободомыслие и строптивость. Тут же ему толково объяснили, что если нечто подобное повторится, то он с треском вылетит из фирмы и не получит никаких рекомендаций. Это была нешуточная угроза. «В Америке, – объяснили ему, – демократия на производственные отношения не распространяется. Полное подчинение. Тут вам не папа с мамой. И не ваша армия – мы знаем, какое там панибратство и либерализм». Струхнувший Женя всё осознал, и дела пошли на лад.

Ему регулярно увеличивали зарплату и даже как-то послали на курсы повышения квалификации за счет фирмы. Женя действительно оказался ценным работником. Природа наградила его талантом успешно пользоваться смесью знаний и интуиции, необходимых в этой новой для человека компьютерной системе. Он без видимых усилий быстрее всех выяснял, где, что и почему «не фурычит» (любимое его выражение) и что нужно сделать, чтобы всё было о'кей. И в результате со временем был назначен бригадиром. Правда, бригада была небольшая, в нее входили два русских эмигранта и один свежеепеченный американец китайского происхождения. Само собой разумеется, в такой среде повышать уровень английского они не могли. В этом заключалась серьезная проблема, потому что на самостоятельное изучение языка у Жени не оставалось сил. Или не хватало воли. А скорей всего, и того и другого... Время между тем стремительно уходило. Но успехи на работе были налицо, можно было, ничего не приукрашивая, с гордостью рапортовать родителям.

И все-таки самых впечатляющих успехов добивалась Надя. То, что она сдавала все работы и экзамены на «отлично», никого не удивляло: так было и в Технионе. Но вскоре ее официально ввели в штат, затем последовали некоторые льготы, пенсионные отчисления, страхование – довольно необычное явление в престижном заведении по отношению к молодой эмигрантке, пока еще даже не имеющей гражданства. Естественно, она это заслужила своим старанием, но многие не могли избавиться от впечатления, что одного старания явно недостаточно. Где-то, возможно, была группа поддержки. И тем не менее зависти это не вызывало. Симпатии и, я бы сказал, уважение к ней и студентов, и преподавателей со временем только возрастали. Надя использовала каждую свободную минуту для того, чтобы приобрести интеллектуальный и информационный багаж, которым, по ее мнению, должен обладать интеллигентный американец. Она хотела знать и чувствовать то же, что знает и чувствует каждый из них.

– Двужильная, – с одобрением говорила о ней Белла и старалась помочь, чем могла.

Возможно, в другом районе Соединенных Штатов добиться столь заметных успехов было бы сложнее, но в Сан-Диего, где у каждого второго речь с каким-нибудь акцентом и физиономия, отличающаяся от британского образца, акклиматизация проходит намного быстрее.

## 6

Первой опасность почувствовала Света. Наум стал замечать, что победные реляции об успехах Нади ее не воодушевляют. Наоборот, она всё чаще впадала в совершенно не свойственную ей задумчивость. Следующим показателем стало то, что в разговорах с Наумом вместо привычного «Надюша» стало всё чаще появляться официальное «Надежда». Долго скрывать свои, даже не полностью осознанные, предчувствия Света, разумеется, не могла. И однажды в ответ на вопрос Наума – в чём проблема? – хлынул поток сомнений и опасений:

– Ты обрати внимание, Надежда вращается в высших академических кругах! – это красивое выражение ей определенно понравилось, и она со вкусом его повторила: – В высших академических кругах!

Наум, с видом человека, отлично знающего эту систему изнутри, иронически ухмыльнулся:

– Не преувеличивай. Всего-навсего преподаватели кафедры. Это не бомонд. Склочники и скандалисты. И далеко не богачи. Я-то их навидался...

– Ну да, навидался, особенно в Америке. Всё меришь по своим НИИ, давно отдавшим богу душу. В Америке всё иначе. Там все они снобы. И кто для них Женя? Простой иностранный работяга на потрепанной служебной машине. С акцентом. И даже твоего Ницше не читал. Ты слышал, как он рассказывал о парти, куда его с Надеждой пригласили?

– Нормально рассказывал. Был доволен тем, как там к Надюше относятся. По-моему, гордился.

– Ох, Ньюма, Ньюма. Нет у тебя музыкального слуха, и вообще никакого. Витаешь в своих эмпиреях.

Света была права. Всё так и было. На этих корпоративных вечеринках, которых было слишком трудно избежать, Женя чувствовал себя явно не в своей тарелке, человеком с другой планеты. Дикий – с их точки зрения – акцент, неумение легко перебрасываться репликами о вещах, всем хорошо знакомых, и тому подобное. И деликатные Надины сослуживцы с таким сочувствием смотрели на нее, так явно старались протянуть руку помощи, демонстрировали такое равноправие... Всё это было тем более обидно для Жени, что у себя на работе, на своем уровне общения он был вполне уважаемым человеком. А о женщинах и говорить нечего, он по-прежнему пользовался у них большим успехом. Совсем недавно на корпоративной вечеринке своей организации он путем тайного шутового голосования был избран секс-символом фирмы. «Документ», подтверждающий это, с подписями и печатями, он со смехом, но не без удовольствия предъявил Наде. Мол, и мы не лыком шиты.

Надя пыталась как можно мягче приспособливать Женю к новой культуре. Разговаривала с ним по-английски, поправляла неграмотные выражения. Подсовывала журналы: смотри, тут интересная статья, а вот это прочитай непременно; покупала билеты на спектакли. Но встречала всё возрастающее сопротивление. Конечно, он очень уставал, но, кроме того, стал чувствовать какое-то унижающее его давление. А Женя, как вы помните, этого не переносил с детства.

Как-то после одного субботнего разговора с родителями они забыли завершить сеанс связи, и в Хайфе услышали раздраженную реплику Жени:

– Ты хочешь поднять меня до своего уровня? Куда уж мне! Не стоит стараться, меня устраивает мой. До Пуделя я всё равно не дотянусь.

Наум тут же тактично отключился, Света промолчала и только тяжело вздохнула.

О Пуделе они слышали не первый раз. Так Женя называл профессора Пауделла, куратора Нади. Тот действительно очень напоминал пуделя: черные курчавые волосы, черные глазки, носик пуговкой, невысокого роста. Женя с очевидным злорадным удовольствием переслал в Хайфу по Интернету фотографию с одной из парти, на которой Надя держала под руки его и Пуделя. Преимущества высокого и стройного Евгения по сравнению с низкорослым и довольно поношенным Пауделлом были очевидны. Не говоря уже о разнице в возрасте не менее двадцати лет.

Впрочем, у Пуделя была серьезная компенсация этих недостатков. Он был доктором наук, профессором, крупным специалистом в своей области и одним из самых влиятельных людей не только на кафедре, но и в университете. И что не менее существенно, мистер Пауделл был одновременно совладельцем нескольких химических фирм, которые, фигурально говоря, пожинали плоды его творческих успехов. То есть работали по его патентам. Он был эдаким Гейтсом в миниатюре, хотя определение «в миниатюре» являлось скорее следствием финансовой масштабности Гейтса, нежели бедности Пауделла. Последний был тоже далеко, далеко не нищим.

По мнению Жени, Пудель слишком опекал Надю.

«Дети» по-прежнему сообщали о себе только хорошие новости, но даже «не имеющему слуха» Науму было ясно, что отношения в семье становятся далеко не безоблачными. Счастливый брак грозил превратиться в мезальянс.

Однажды Наум со Светой сидели, как голубки, на диване и смотрели очередное ток-шоу. Главная героиня, встретив большую любовь, разбила семью, забрала половину детей и ушла к другому. Сейчас она счастлива, бывший муж не очень. А хорошо ли это? И всё на полном серьезе... Женщины относились к этой проблеме по-разному, но на вопрос «А вы лично могли бы поступить так же?» все, как одна, отвечали: «Нет, я бы так не смогла». Мужчины были менее категоричны.

Наум вяло реагировал на предмет дискуссии, лично его это не волновало. Поезд уже ушел, время для перемен упущено. Во всяком случае, он так считал. А Света скептически пыхла и явно соотносила всё услышанное с событиями в Сан-Диего.

– Ох, скорей бы уже Надежда закончила свою учебу и они поменялись местами, – наконец обнародовала она свои мысли. – Как такая смена называется в политике? Рокировка?

– Ротация.

Наум кисло поморщился. Он не любил напоминаний о своей бывшей привязанности.

– Жене пошел тридцать первый год. Если он сейчас не пойдет учиться, то всё. Он и так уже забыл даже то, что знал.

– Я говорил. Нужно было потерпеть здесь всего два года— и было бы у обоих высшее образование. Но Женя терпеть не умеет.

– Ох эти твои «я говорил»! Кому от них легче? Ты только Жене не ляпни, он эти «я говорил» на дух не переносит. Так и ждет, что ты ему это скажешь. Нам только скандала не хватает. Ему и так нелегко.

– Им обоим нелегко.

– Да, конечно, Надежде тоже. Но женщинам нельзя давать слишком большой форы.

Наум заинтересовался:

– Почему женщинам? Надюша любит Женю. И вообще, женщины – ты слышишь, что они там говорят? – больше дорожат семьей, чем мужчины.

Света с иронией посмотрела на экран и на Наума:

– Знаток женщин... Когда такое было? Давно и... почти неправда. Говорят. Говорите тоже – помнишь анекдот? А статистику слышал?

Наум этот момент пропустил. Света постепенно раскалялась:

– Шестидесят процентов заявлений на развод подают женщины. Нет, не верю я в их самопожертвование. Особенно в Америке, с их самостоятельностью. Они свой шанс не упустят. Не знаешь ты женщин.

– Одну знаю, мне хватает, – миролюбиво закончил Наум.

Света снова скептически хмыкнула. Наум отнес это на счет участников ток-шоу.

## 7

Наступило наконец с нетерпением ожидаемое время больших перемен, но, увы, надежды на ротацию не оправдались. Вместо них разразился настоящий кризис. Надя, как и следовало ожидать, с успехом – третьей на курсе – закончила университет, получила диплом и степень бакалавра. Но – к огорчению Жени – этим дело не закончилось. Мистер Пауделл предложил ей не работу, как ожидалось, а продолжение учебы. То есть вакантное место в аспирантуре, и по окончании ее, через два года, маячила куда более солидная академическая степень магистра. Это уже был совсем иной уровень, нежели присваиваемая выпускникам не только университетов, но и простых четырехгодичных частных колледжей степень бакалавра. Но самое главное, была заранее обещана после защиты серьезная и хорошо оплачиваемая должность в одной из его фирм. И это были не голословные обещания: во время обучения Надя должна была проходить стажировку в отделе этой фирмы, заранее готовясь к будущим обязанностям. О такой карьере можно было только мечтать.

Женя был в трансе, Света в полной растерянности. Наум не осмеливался выразить восхищение прекрасными перспективами Надюши, а уж он-то лучше, чем кто-либо другой, знал, как непросто этого добиться. Но сейчас такие восторги были бы неправильно поняты. Тем более что Наум с трудом сдерживал столь «любимую» Женей фразу: «Я говорил!» Пришлось просто помалкивать от греха подальше...

Мистер Пауделл вызвал Надю и долго беседовал с ней. Тон беседы подчеркнуто уважительный и равноправный. Никакого второго плана не было даже в помине. Начал он с того, что откровенно признал: одной из важнейших задач своей университетской деятельности считает комплектование собственных фирм надежными и толковыми специалистами. Это основа успеха. Дальше шли обычные похвалы ее трудолюбию, констатация ее достижений за столь короткое время и т. д. Но особо Пауделл подчеркнул, что ценит ее целеустремленность и умение находить контакт и с боссами, и с подчиненными, сохраняя при этом симпатии и уважение и тех и других. И внутренне сохраняя дистанцию. Последнего качества Надя в себе не замечала, но ему виднее. Весь этот набор очень важен для руководителя и встречается не так часто. Мистер Пауделл надеется, что из Нади получится отличный и грамотный босс. Он так и сказал – босс.

Но, как бы ни повернулась ситуация в дальнейшем, степень магистра и стаж практической работы в солидной фирме очень важны и уже сами по себе обеспечивают конкурентоспособность в будущем. Ни для кого не секрет, что прямо с учебной скамьи, без протекции найти работу ох как непросто. Специалистов этого профиля в Калифорнии избыток.

Пауделл умел говорить солидно и убедительно. И в то же время мягко давал понять, что в случае несогласия умывает руки.

Он прозрачно намекнул, что готовит ее к должности начальника отдела, который отвечает за внедрение всех новых разработок, проведенных под его руководством. Это означает ответственность за многомиллионные финансовые объемы, а также контакты на высоком уровне с весьма солидными людьми, серьезное и стабильное положение в сочетании с соответствующей оплатой. Судя по всему, Пауделл действительно верил в природную целеустремленность, надежность и контактность Нади. И в то же время заметил, что для этой важнейшей работы у него должно быть полное взаимопонимание с руководителем. Требование выглядело чисто деловым, но глаза Пауделла при этом затянулись едва заметной поволокой. А может, все-таки показалось? Подозрительность провинциалки? Или следствие бессмысленной ревности Жени? Она внимательно посмотрела на солидного и делового руководителя и готова была устыдиться своих подозрений. И все-таки...

Пауделл продолжал:

– Есть и недостаток в моем предложении, – Надя напряглась. – Получать вы будете немного, примерно столько же, сколько и сегодня. Аспирантура за счет фирмы, согласитесь, это уже немало. И потом, я не могу платить вам больше, чем остальным. И уверен, что вы и сами не захотели бы, чтобы я это делал...

Пауделл внимательно посмотрел на Надю. Та энергично замотала головой:

– Нет, конечно, нет. Ни в коем случае.

– Рад, что я в вас не ошибся. Не ошибся? – повторил вопрос Пауделл. И не ожидая ответа, продолжил: – Ну и отлично. Подумайте, посоветуйтесь с близкими. Время до начала следующей сессии у вас есть.

Надя ушла обдумывать предложение. Всё оказывалось не слишком просто.

Разговор с Женей тоже был нелегким, а начало его просто обескураживающим:

– Я обо всем подумал – и ни за что не соглашусь, чтобы ты с этим Пуделем терлась еще два года бок о бок.

– Женя, ты что говоришь? Куда тебя понесло? Терлась...

– Я сказал «бок о бок». Не знаю, о чём ты подумала...

– Только пошlostей нам не хватало.

Мрачная пауза затянулась.

– Женя, давай не будем бодаться. Какой может быть выход?

А выхода не было видно даже на горизонте. Правда заключалась в том, что альтернативы предложению Пауделла у них фактически не было. А если и была, то в высшей степени

скверная. Пауделл прав на все сто процентов: слишком много специалистов такого профиля выпускают местные учебные заведения. И особенно сложно трудоустроиться эмигрантам без гражданства. Если Надя откажется от этого предложения, то найти такую работу, чтобы Женя смог продолжить учебу и чтобы платить няне Белле, не удастся. Даже при условии, что Женя останется на полставки в своей фирме, а на это нынешний его хозяин может и не согласиться.

Пауделл, призналась Надя, намекнул: он при отказе умывает руки, что можно понимать по-разному. Влияние его в этой области огромно. Во всяком случае, в Сан-Диего. А переезд из обжитого места в полнейшую неизвестность – что может быть страшнее?

– Теперь ты видишь? Он нас, а точнее тебя, загоняет в угол. Не говори, что ты этого не видишь.

– Женя, не примешивай ко всем неприятностям ревность. Ты мне не доверяешь?

Женя хотел с ходу возразить, но потом махнул рукой:

– Понимай как хочешь.

– Подумай сам, у него могут быть любые красавицы. Ты сам видел одну такую на прошлой партии. Помнишь, чуть не упал? Зачем ему такая серая мышка, как я?

Женя обиделся за нее, а еще больше за себя:

– Почему серая? И почему мышка? Впрочем, он их покупает, тут много ума не надо.

– Не просто покупает. Женя, это не так. Он многого добился. И это такое же преимущество, как молодость, рост, красота...

– Я смотрю, у него появился ярый защитник. Надежда, ты научилась красиво говорить. Впечатляет. Как по писаному. В какой книжке вычитала?

– Тебе не всё равно? Ты же ни одной не прочел.

Женя действительно, как и многие нынешние молодые люди, художественной литературой, мягко говоря, не увлекался. Точнее – вообще не читал.

– Я парился по двенадцать часов в день, чтобы ты могла на этих книгах торчать...

– А я бездельничала? Ну да, поэтому у нас сейчас скандал, что я бездельница, а ты деловой.

Против этого Женя возражений не нашел. Замолчал и отвернулся. Надя поняла, что всё прозвучало очень обидно. Перебор. Взяла себя в руки:

– Женя, мы не о том говорим. Мы можем выйти на совсем другой уровень жизни.

– Но это будет твой уровень, а не мой. А я хочу свой, – Женя заметил протестующий жест Нади. – Ну хорошо, наш общий. Мы же договаривались. Сейчас моя очередь стать умным.

– Это правда, Женечка. Ты полностью прав. Я же не спорю. Я просто не знаю, что делать...

– Зато я знаю, чего не нужно делать. Если ты согласишься на эту долбаную магистратуру – я уйду. Так и знай.

И после паузы подвел итог:

– Тебе решать.

Надя признавала, что, в сущности, Женя прав. Они на такую двусмысленную ситуацию согласиться не могут. Не могут – пока вместе. В этом была основная сложность проблемы. Перед каждым из них возник соблазн серьезного успеха, качественного изменения жизни. Но, увы, только каждого в отдельности. Вместе не получалось.

Занятая своими проблемами, Надя даже не догадывалась, что и с другой стороны – у Жени – тоже есть ящик Пандоры, который вот-вот грозил открыться. Опасность молодой семье грозила с двух сторон.

Женя прекрасно понимал, что для дальнейшего роста в качестве специалиста ему нужен как минимум диплом об окончании колледжа. Без этого никакое реальное продвижение по службе невозможно. Да и дистанция в этом случае между ним и Надей, будущим магистром и солидным боссом, станет непреодолимой. Но уже сейчас он ощущал огромное нежелание снова

садиться за книги и сознавал, что еще через два-три года это будет практически невозможно. Зато змеем-искусителем перед ним маячила возможность стать бизнесменом – а в таком случае необходимость официальных регалий отпадала.

Путь для этого был проторенным и старым, как мир. Дочь хозяина Нелли, вполне симпатичная и абсолютно американизированная молодая женщина с трехлетним ребенком от первого пробного брака, не скрывала своих симпатий к молодому израильтянину. И не только она. Сам хозяин фирмы благоволил к Жене и поощрял ее увлечение. Молодого парня, который меньше чем за два года стал признанным авторитетом в фирме, наверняка ожидало неплохое будущее, а это, с точки зрения матерого бизнесмена, дорогого стоило. Со свойственной многим американцам старой закалки бесцеремонной прямолинейностью он почти не скрывал желания видеть в потенциальном зяте не только партнера по бизнесу, но и в ближайшем будущем своего преемника. Хозяин признавался, что в столь быстро развивающемся деле, связанном с новыми технологиями, он уже не в состоянии угнаться за тенденциями. И просто по-человечески устал. Приходится доверять наемным помощникам, а хотелось бы опереться на родного человека. Кто мог стать этим гипотетическим родным человеком – нетрудно было догадаться. Дополнительным, но немаловажным стимулом было и то, что дед хозяина, основатель династии, помещь грека с евреем, в начале прошлого века эмигрировал в Америку из Одессы и на этом основании всё семейство сентиментально считало Женю земляком и едва ли не родственником.

А почвой для таких настроений было невесть как проникшее в фирму подозрение, что в его семейной жизни не всё обстоит благополучно. Причем эти слухи возникли еще раньше, чем сам Женя это неблагоприятное осознал. Как распространяется такая молва – объяснить невозможно, но каждый из нас знает подобные примеры из личного опыта...

Было бы гораздо легче бороться с соблазнительными перспективами, если бы Наде и Жене приходилось преодолевать неприязнь к новым кандидатам, особенно физическую. В этом случае появилось бы ощущение, что они продают себя за будущие блага. Но ничего похожего не было. Скорее наоборот...

С такой по-настоящему красивой и эффектной молодой женщиной, как Нелли, Женя и без всяких меркантильных целей с удовольствием завел бы шашни, если бы не опасался вызвать гнев хозяина. А тем более приятно было бы это сделать в отместку за ревнивые мысли и вполне ощутимый комплекс неполноценности, которые у самонадеянного ловеласа появились в последнее время по вине жены.

Условия для этого были как по заказу. Женин босс придерживался так называемого японского подхода к ведению бизнеса. Он старался, чтобы работники фирмы считали ее своим домом. Поэтому там нередко (намного чаще, чем в университете) устраивались корпоративные вечеринки с угощением и непременными танцами. И атмосфера на этих парти была очень демократичной – Женя чувствовал себя свободно и раскованно. Его английского вполне хватало для далекого от снобизма смешанного общества.

Демократизм хозяина доходил до того, что на важнейшие семейные торжества он устраивал фуршеты, на которые приглашалась верхушка фирмы, работники со стажем, опора хозяйина. Последний год в эту местную элиту вошел и Женя. Ни для кого не являлось секретом, по чьей инициативе молодой эмигрант удостоился такой чести.

Общение с Нелли давалось ему без всякого напряжения, тем более что больше приходилось танцевать, чем разговаривать. Высокие, стройные (Нелли была почти такого же роста, как Женя), они любили и умели танцевать. И когда до них долетали реплики: «Прекрасная пара!» – то обоим казалось, что это вполне может относиться не только к танцам. Фотографии молодых и красивых, разгоряченных танцем и эмоциями партнеров, больше напоминающие открытки, Женя хранил на работе, домой они не попадали – зачем гусей дразнить. Но время от времени рассматривая их и сравнивая с уже упомянутой фотографией, на которой был запечатлен низкорослый и потрепанный Пауделл, Женя высокомерно ухмылялся. И напрасно.

Дело было не только в деньгах. Настоящие «ходоки» не слишком часто бывают красавцами, а Пауделл в этом деле знал толк. Немалый опыт, ум и чувство меры делали его в общении, что называется, приятным во всех отношениях. Он с успехом использовал не только свои достоинства, но и недостатки. В том числе позволял себе быть иногда немного смешным, иногда немного нелепым, что в женских глазах делало его «милым». Никак не меньше богатства на его имидж покорителя женских сердец работал огромный, да еще обросший легендами «послужной список»: это интриговало, создавало вполне осязаемую ауру. В этом списке, как гласила молва, явных авантюристок было немного, зато по секрету, шепотом назывались имена вполне обеспеченных и знающих себе цену умниц и красавиц. Значит, было в нем что-то такое...

И хотя Надя была немного ханжой – неизбежное следствие «совкового» воспитания, – ей тем не менее льстило уважительное и ненавязчивое внимание Пауделла. Временами ей казалось, что отношения между ними – если бы они возникли – могли бы быть достаточно серьезными. Пауделл в ее присутствии не раз говорил, что ему надоела роль немолодого плейбоя, что он давно созрел для того, чтобы пойти по стопам Майкла Дугласа и остепениться. Нужно только найти свою Кэтрин Зету-Джонс, но Пауделлу хотелось бы, чтобы его избранница была серьезной, скромной и не столь вызывающе эффектной.

Всё это высказывалось в узком кругу, на кафедре и, разумеется, в шуточной форме. Но при этом Пауделл так индифферентно смотрел на собеседников, подчеркнуто никого не выделяя, что на щеках у Нади невольно выступал предательский румянец.

Нет, интрига определено была.

И в одном Женя был абсолютно прав: решать придется Наде. Во всяком случае, в зависимости от ее решения события начнут разворачиваться в ту или иную сторону. Но пока они оба не предпринимали никаких шагов. Надя не рассылала свои резюме, как принято при поисках работы. Она сознавала, что сразу же в университет посыплется запросы, а это бы означало открытую конфронтацию с Пауделлом. Выяснить же, почему Женя не подает документы в какой-нибудь колледж, не было смысла, в ответ на одну такую попытку он очень резко ответил:

– Если ты не ищешь работу, значит, тебя не должно интересовать, что я буду делать дальше. Это будет мое и только мое дело.

Больше Надя ни о чём не спрашивала.

– Чего они ждут? На что рассчитывают? – возмущенно хлопала себя по широким бедрам Света в далекой Хайфе. – Это как беременность – само не рассосется.

Так прошел месяц. За ним другой. Через две недели должен был начаться учебный год. Времени уже почти не оставалось. В доме Беляевых сгустились тучи. Не только советоваться друг с другом – поддерживать любой нейтральный разговор стоило больших трудов. Фразы повисали в воздухе. Няня Белла, обычно говорливая, на сей раз была тише воды ниже травы и старалась держаться от хозяев на безопасном расстоянии.

Но таково свойство человеческой природы: чем реальней становилась перспектива разрыва, тем больше оба осознавали, насколько дорога им семья. Как тяжело рвать столь прочные узы. И кроме того, несмотря на молодость, оба в глубине души понимали: если они согласятся на перемены, если разойдутся, то отношение к ним нынешних соискателей может немедленно измениться. Они вполне могут оказаться героями римейка известной картины Репина «Не ждали»... Такое слишком часто случается в жизни.

## 8

И в Хайфе настроение было хуже некуда. Хотя дети старались не огорчать стариков и ничего, кроме «мы пока ничего не решили», им не рассказывали, но Света видела на экране компьютера их лица, ловила взгляды, которыми они обменивались. Она разбиралась в ситу-

ации, пожалуй, не хуже, чем они сами. Что-то вылавливала между строк, о чём-то догадывалась. Например, видя удивительное спокойствие Жени, она давно поняла, что «этот паршивец» нашел запасной выход. «По глазам вижу. Я его знаю как облупленного».

В перерывах между сеансами связи Света с Наумом переваривали увиденное и услышанное. Света как неприкаянная ходила по квартире из угла в угол. Но молчать и таить всё в себе она никогда не умела, поэтому свои бесконечные сомнения и размышления обрушивала на единственного слушателя, который всегда был под рукой.

Теперь их прогулки были не только полезны для здоровья, но и насыщены увлекательными разговорами, сопровождаемыми, по одесской привычке, бурной жестикуляцией. Пожилые пары, прогуливающиеся по оживленному маршруту вдоль моря, как правило, делали это в молчании – обо всём за много лет давно переговорено. И они с завистью оглядывались вслед супругам, которые, судя по всему, не утратили интереса к жизни и друг к другу.

Наконец Света окончательно подвела итоги ситуации в Сан-Диего и на одной из прогулок постаралась донести эти выводы до своего личного мыслителя, разбирающегося в каббале и Ницше, но ничего не понимающего в реальной жизни:

– Слушай, товарищ ученый... извини, сейчас ты господин ученый. Можешь решить простую задачу с несколькими неизвестными? Я обычный человек, с обычным советским институтским дипломом, то есть практически без образования. Я решения не найду. Но ты же кандидат наук, а в Израиле даже доктор.

– *Одна голова хорошо, а две лучше*, – добродушно поддакнул Наум.

– Вот тебе первое неизвестное. Надежда не может не согласиться на это предложение. И главное, на работу в фирме. Такой шанс выпадает один раз в жизни, и то не каждому. У меня рука не поднимается ее осуждать.

– *Не судите, да не судимы будете*, – удачно вставил Наум.

– Погоди ты... Но у Пуделя свои виды. И Надежда это понимает. И я понимаю. Слишком всё гладко и шито белыми нитками.

– Да, это не исключено, – вздохнул Наум. – Мистер Пауделл...

– Он должен понять, как дважды два, что тут ему ничего не светит, – и отказаться от своих планов.

– Если они есть.

– А ты сомневаешься?

Наум только пожал плечами. Света безнадежно махнула рукой – что с тебя возьмешь! – и продолжала:

– Но Надежду в фирму он должен принять. Понял? Вот тебе второе неизвестное.

– Почему неизвестное?

– Потому что неизвестно, как это сделать.

– Ну знаешь ли... Понял – не понял, отказался от мыслей – не отказался. Как это определить? Нет четкой информации. И индикации.

– Вот! А должно стать всем ясно. Главное – Жене должно быть ясно. А иначе он из семьи уйдет. Ты его знаешь...

– Знаю, – опять вздохнул Наум. – Кому знать, как не мне...

– Это какое по счету неизвестное? Третье? Но самое главное четвертое – должно хватить денег на учебу Жене, на няню, на квартиру, на жизнь. Еще на два года. Если Женя не получит диплом, а она станет большой шишкой, то тогда всё, на этой семье можно ставить крест, – Света горестно покачала головой. – Но Надежда, Надежда! Толковая же девица. И так любила Женю. Чего она тянет?.. Неужели решилась...

– Не верю, – решительно возразил Наум. – Ни за что не поверю. Но в одном ты, Светочка, права. Должно быть системное решение. Только системное, одним пунктом не отделаешься. Но самое важное – без образования сейчас дороги нет... А ведь всё можно было предвидеть.

Я гово... – и Наум осекся. Сейчас это было ох как не вовремя. Впрочем, он всегда любил изрекать что-нибудь не вовремя.

Когда в Хайфе уже перестали надеяться и ждали со дня на день самых огорчительных известий, раздался телефонный звонок. Был будний день, около восьми часов вечера, для связи с Америкой время самое неподходящее. Света взяла трубку – она всегда брала трубку, так как общение Наума с внешним миром постепенно свелось к минимуму.

– Что такое, что-то случилось? – и она тяжело опустилась на стул. Трагические интонации в ее голосе на Наума не произвели большого впечатления. Света всегда очень драматично реагировала на любые новости в любой беседе. Всплескивала руками, удивлялась, ужасалась – почти вне зависимости от содержания разговора. Такой темперамент. Эта ее манера прогрессировала с годами. Сказанная с дрожью в голосе любимая фраза: «Какой ужас!» – могла с равным успехом означать и то, что соседский котенок написал на диван, и то, что сама соседка попала в больницу в тяжелом состоянии. Наученный опытом, Наум спокойно слушал краем уха обрывки разговора, а сам разыскивал что-то в Интернете.

– Ну, слава богу хоть на этом... Да говори ты толком... Да, здесь, конечно, здесь... Где ему быть... Хорошо, я набралась терпения... Я слушаю...

И дальше наступила долгая пауза, прерываемая только шумными вздохами Светы. Но вот прозвучало излюбленное:

– Какой ужас! Ох, какая я дура. При чём тут ужас?.. Прости, это я от неожиданности. Сколько времени?.. Полтора месяца? Это точно?.. А кто об этом знает?.. Всё, слушаю, слушаю...

И опять длинная пауза. Света слушала не прерывая и не вставляя реплик – очень на нее не похоже.

– Да, огорошила ты меня. Это комбинация... всем комбинациям комбинация. Надо еще поговорить. Такое дело... Я завтра позвоню, когда... Примерно в это время... Не всё мне понятно... Надо подумать, обсудить. Ну, целую...

Света положила трубку и застыла, глядя куда-то в пространство.

«Комбинация», «целую»... Наум заинтересовался:

– Кто звонил? Что-то случилось?

– Ничего, наши бабские дела. Тебе неинтересно.

Весь вечер Света двигалась как сомнамбула, со скоростью в несколько раз меньше обычной. Что-то забывала, что-то роняла. На вопросы отвечала невпопад. То же продолжалось и на следующий день. Наум даже забеспокоился:

– Что с тобой, давление?

– Если бы только давление... Да нет, всё в порядке.

Она неожиданно склонилась над сидящим в кресле Наумом и с чувством поцеловала его в лысину. Наум даже просветлел – давненько он не достаивался такой чести.

– Ох, Ньюма, Ньюма... Так ты говоришь – системный подход? Иначе нельзя? Ну-ну, доктор наук...

Вечером, часам к семи, Света объявила, что на прогулку не пойдет, болит голова. А Наума отправила в магазин за черносливом – уже закончился.

– Из магазина пойдешь на море, а я пораньше лягу.

Наум послушно отправился по маршруту.

По возвращении он застал совершенно необычную картину. На журнальном столе, покрытом праздничной скатертью, был выставлен отличный натюрморт. В центре стояла бутылка дорогого импортного коньяка, подаренного друзьями к недавней годовщине их свадьбы. Некошерная ветчина. Банка черной икры из особых запасов. Печень трески нерусского происхождения. Овощи, фрукты, неизменный хумус – словом, всё то, что в крайне торже-

ственных случаях позволяют себе русские репатрианты. Удивительным было и то, что стол был накрыт в салоне, хотя, как правило, они ели на кухне. Мало того, всё это изобилие являлось глазу в девять часов вечера, а согласно строгому семейному режиму позже половины седьмого есть было категорически запрещено.

За столом в праздничном платье восседала причесанная и накрашенная Света. Наум отметил, что глаза у нее были немного красными.

– *Это праздник со слезами на глазах?* – игриво спросил Наум. – Опять я что-то забыл? Кто-то из нас женился, родился, развелся?

– Иди, остряк, прими душ и оденься поприличнее. Не тяни.

– Но кто виновник торжества? Мы ждем кого-то?

– Никого. Мойся, обо всём расскажу...

Когда Наум в чистой футболке и наглаженных шортах подошел к столу, в тарелках была закуска, в рюмках – коньяк, и возле каждой рюмки соблазнительно выглядывал бутерброд с толстым слоем икры. Всё это было неспроста, и Наум наконец проявил проницательность:

– Так что мы празднуем? Неужели новости из Америки?

– Да. Из Америки. Но сначала выпьем за здоровье, оно нам очень понадобится...

На это Наум, которого Света обычно ограничивала в выпивке, охотно согласился.

Выпили, чуть закусили, и Света тут же налила по второй.

– *Между первой и второй – промежуток небольшой.* Но новости хоть со знаком плюс?

– Плюс, плюс, успокойся. Системный подход... Давай сначала еще по одной.

– Ну ты даешь... Впрочем, я всегда за. Ин вино веритас.

С аппетитом закусывая после второй, Наум нетерпеливо сказал:

– Ну, давай рассказывай. Хватит интриговать.

Света не интриговала. Она явно и очень сильно нервничала, и любой, кроме Наума, давно бы это заметил.

– Так, значит, эта беременность все-таки рассосалась? Как, каким образом?

– В том-то и дело, что не рассосалась. Надя ждет ребенка.

Наум выдал немую сцену. Это было настолько смешно, что Света не выдержала и, несмотря на свое с трудом скрываемое волнение, рассмеялась. Правда, в смехе ее звучали слегка истеричные нотки.

Но главное было сказано. Оставалось всё по порядку объяснить Науму, который, по его собственному признанию, «пока не врубился».

В изложении Светы это выглядело примерно так.

Надя беременна уже полтора месяца, и этот неожиданный шаг, кажется, действительно помогает решить все проблемы.

Она сейчас может смело подавать документы в магистратуру. У Пауделла нет никаких оснований их не принять. Только через два-три месяца он воочию убедится, что все его планы можно выбросить на свалку, но будет уже поздно. Это – Света отметила с явным удовольствием – первая пара неизвестных в том уравнении, которое она недавно предлагала решить Науму.

И третье неизвестное. У Жени теперь нет никаких оснований противиться ее дальнейшей учебе. Никаких поводов для ревности. И нечем будет оправдывать свои шашни на стороне, в чём Света его не без оснований подозревает. Жена с двумя маленькими детьми – надежный якорь.

Света замолчала и никак не могла набраться решимости закончить объяснение.

Но кандидат технических наук Наум Сипитинер оправдал возложенные на него надежды и догадался сам. Не напрасно он в не слишком далеком прошлом отличался умением четко видеть последовательность в цепи доказательств и безошибочно выделять основное звено.

– Постой. Постой. А четвертое неизвестное? Деньги? Раньше их не хватало на одного ребенка, теперь их будет два. И та же няня Белла теперь будет обходиться еще дороже... Как же Женя пойдет учиться?

Ответа не было. Наум внимательно посмотрел на Свету. Она отвернулась, и глаза ее наполнились слезами. Впрочем, это и был ответ.

– Ах, так... – Наум даже не успел испугаться. – Ты поедешь в Америку. Бесплатная няня Света заменит дорогую няню Беллу. Действительно системный подход.

Света украдкой вытерла слезы и заторопилась:

– Почему я? Мы оба поедem туда. Надя говорит, что мы оба...

– Надя говорит... На какие шиши? Два старых человека без гроша в кармане, без прав, но с болячками...

Света продолжала сыпать словами. Нет, нет. Не всё так безнадежно. Она, как одинокая старенькая мама, вполне может получить медицинскую страховку, у них это называется иншуренс, – это самое главное. В семье двое детей, и одинокая старенькая мама – она со вкусом повторяла это сентиментальное определение – даже может получить грин-карту. Надя узнавала. А уж на тарелку супа Света всегда заработает. Полдела, таким образом, уже решается... Правда, с Наумом на первых порах хуже, для иммиграционных служб он чужой человек, не член семьи, но гостевую визу...

Наум почти не слушал. Он как-то застыл и внезапно со всей очевидностью осознал масштаб и неизбежность ожидающих его перемен. Это был шок, настоящий шок. Равнодушно и устало он сказал:

– Света, оставь. Мне семьдесят два года. Жить на птичьих правах я уже не могу. И не буду. И ты это прекрасно понимаешь. И содержать меня без статуса и медицинской страховки они не смогут, это ежу понятно. Ты – другое дело. Ты одинокая старенькая мама и незаменимая бабушка. Ты можешь там жить и помогать. А если мы будем жить там за печкой оба, то будем приживалами. И это будет на порядок дороже няни Беллы. Зачем попусту тратить слова... У меня, к примеру, операция простаты на носу, а там это немереные тысячи. Ха! Простата на носу! Здорово сказано! Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Света продолжала плакать и уже не пыталась это скрывать.

Наум налил рюмку. Поднял. Рука дрожала. Выпил без тоста.

– Ньюма, только два года. Пока Женя закончит учебу, а Надя – аспирантуру. Пока они встанут на ноги. – И неожиданно перешла в наступление: – Если бы это был твой сын, то ты бы понял, что ломать ему жизнь в самом начале нельзя. Даже ценой двух лет неудобств. Ты же не ребенок и, тьфу-тьфу-тьфу, пока вполне можешь себя обслужить. А если Женя бросит учебу – всё. У них будет совсем другая жизнь. Он нам не простит. И я себе не прощу.

– И мне...

– Да, и тебе тоже, – жестко сказала Света.

Это была угроза. Может быть, первая за всю совместную жизнь. Но Наум в ответ только кисло улыбнулся. Какие угрозы могут быть в таком положении? Чем его теперь можно напугать? И Света это без слов поняла.

То ли коньяк сыграл свою роль, то ли экстремальная ситуация взбодрила, но в Науме проснулись его аналитические способности и, казалось, навсегда почивший в прошлой жизни обиженный, злой сарказм. Он увидел дальнейшее развитие событий на много ходов вперед:

– Всего на два года... Света, мы всё знаем – в Израиль не возвращаются. Раньше хоть под старость бывшие израильтяне приезжали умирать на родную землю, а сейчас даже этого нет...

– Ньюма, побойся Бога. О чём ты говоришь? Мы столько лет вместе. Дети встанут на ноги, и мы...

– Ладно... Проехали... Как я понял, это Надя одна всё решила, без Жени?

– Да, Женя пока не в курсе.

– А как же ребенок появился, если Женя не в курсе?

– Старым способом. Ты уже забыл, как это делается...

Несмотря на трагичность момента, Наум смутился. Он действительно последнее время как-то стал забывать...

– Ладно, не обо мне речь. Ну Надежда, ну железная леди. Всё за всех решила. Никому выбора не оставила. Пауделл действительно ее примет, и потом, когда увидит, чем дело кончилось, вынужден будет помалкивать. Женю тоже за шкуру – и назад, в многодетную семью. И тебя, Света. Да, и тебя. Точный расчет. Двух малюток ты бросить на произвол судьбы уже не сможешь, должна будешь поехать, если у тебя есть сердце. И помочь сыну закончить учебу – тоже дело святое. Отличная комбинация с жертвой пешки.

– А что, что было делать? Какой был выход?

– Хоть посоветоваться. Особенно с теми, кто пострадает. Хотя бы... со мной.

Наум замолчал. Больше в этот вечер Свете не удалось выдать из него ни слова.

## Часть вторая Маалот

### 1

Самыми тяжелыми для Наума оказались двадцать дней до отъезда Светы. Невыносимыми. Он растерялся, испытывал страх перед будущим, иногда переходящий в панику. Даже образ спокойного, доброжелательного, интеллигентного человека, который он скроил на себя в юности и с которым сжился в течение многих лет, стал расплываться по швам. До громкого скандала дело не доходило, но в его голосе иногда прорывались довольно резкие, даже какие-то визгливые нотки, совсем не соответствующие стандарту типичного представителя образованной алии, прибывшей из Советского Союза. Эти давно забытые даже его родителями скандально-местечковые интонации удивляли и его самого, и Свету.

Когда люди много лет живут вместе, не расставаясь ни на день, они обычно перестают видеть друг друга. Скорее чувствуют и ощущают. Взгляд привычно скользит по бесконечно знакомому лицу, фигуре, почти ничего не различая. Но в этой экстремальной ситуации супруги многое увидели другими глазами.

«Как он постарел, – думала Света. – Почему я этого не замечала? Стал еще больше сутулиться, хотя и раньше за ним это водилось. Но не до такой степени. Немного усох, что ли? Нет, определенно, он стал не то чтобы меньше, но как-то помельче. А как он напуган, я таким его еще никогда не видела. Роденький мой. Боже мой, как же я могу его оставить?!»

Она непривычно много хлопотала вокруг Наума, учила готовить, складывала вещи с большими, во весь лист, записками-памятками типа «Здесь теплое постельное белье». На холодильник вывесила инструкцию на двух листах.

– Ей-богу, я же не младенец, – сопротивлялся Наум. И тут же скисал – старэ як малэ.

Света совершенно не задумывалась о том, что ее ждет в Америке. Даже вещи в дальнюю дорогу стала собирать лишь за день до отъезда. Все мысли были только о Науме. И он не мог не оценить это. Но в то же время не мог не видеть, как изменилась Света за эти короткие двадцать дней, когда в ее жизни возникла необходимость (и возможность) перемен. Это было буквально чудесное превращение. Она на глазах помолодела лет на двадцать. Движения приобрели былую легкость, плечи расправились, всё ее крупное тело излучало энергию, словно получило солидную порцию адреналина в кровь.

И это вовсе не свидетельствовало о черствости или бездушии – такое превращение происходило помимо ее воли. Она была надежным и верным по своей натуре человеком, она по настоящему страдала от предстоящей разлуки с Наумом, и глаза ее частенько были на мокром месте. Но эти же самые глаза стали смотреть на мир совершенно иначе. В них загорелась надежда.

Надвигающаяся старость в Израиле, когда можно с полной гарантией предвидеть всё до самого конца, была Свете органически противопоказана. Что их ждало? Съемная квартира, постоянное убогое пособие, однообразная жизнь. Зато не было опасности попасть в критическое положение. Минимум, на который они могли рассчитывать, включая медицину, был стабилен. Единственными ожидаемыми изменениями становились новые болячки или очередные более или менее серьезные военные обострения, без которых ни Израиль, ни его соседи уже не могли обойтись. Но ни то, ни другое, разумеется, не радовало. Один свет в окошке – возможность время от времени поехать в гости к детям и внукам. Туда и обратно. Короткая вспышка, только освещающая практически неизменное однообразное житье-бытье. Оказалось, что к этому спокойствию и стабильности наши пенсионеры относятся по-разному.

Наум неожиданно для себя обнаружил, что его гражданская жена – всё еще довольно-таки молодой и энергичный человек, во всяком случае, по сравнению, увы, с ним. Грядущие перемены, поездка в неизвестное, трудности, чужие обычаи и чужой язык ее несколько не пугали. Скорее наоборот, помогали вновь ощутить себя живой. А Наум с ужасом представлял себе, что ему подобное когда-нибудь может угрожать. Нет, на преодоление он уже не был способен. Они со Светой, как выяснилось, довольно давно жили в различных временных измерениях, хотя этого и не осознавали. Вывод не из приятных.

Свету он даже в мыслях не обвинял. Не решался. Он действительно не видел другого выхода из сложившейся ситуации. Ради будущего сына любая мать – думал он – пожертвовала бы всем, а не только двумя годами разлуки со старым мужем. Смущало его, правда, это условное определение – два года. И сама Света всё чаще использовала формулировку: «Ты будешь с нами, не волнуйся, я костями лягу...» «Я вернусь» – не прозвучало ни разу. Но Наум трусливо не решался ставить точки над «i». «Там видно будет, – говорил он в ответ. – К тому времени или шах умрет, или ишак». И мрачно про себя добавлял: «Или я...»

Проводы и поездка в аэропорт были мрачными донельзя. Наум в соответствующем настроении ключе сострил, что это похоже на похороны, но довольно оригинальные – сам покойник является провожающим. Света черного юмора не понимала и не признавала, она посмотрела на Наума с таким неодобрением, что он без слов понял: нужно держать себя в руках.

– Ты права. Не буду. *В хоккей играют настоящие мужчины*, – пообещал он.

Всё остальное время до прощальных объятий включительно Наум даже пытался подбодрить совсем расклеившуюся Свету и держался вполне достойно. А по приезде домой добросовестно постарался напиться. Единственным результатом была страшная головная боль на следующее утро, но настроение от этого лучше не стало. Под бдительным присмотром Светы он в последние годы совсем потерял квалификацию – я имею в виду умение напиваться. А впрочем, как и положено интеллигентному еврею, пристрастия к алкоголю никогда не питал.

Назавтра, ближе к вечеру, позвонила Света и сообщила, что долетела благополучно; что дети ее встречали в аэропорту на двух машинах; что домик у них отличный, с ухоженной лужайкой; что у нее отдельная комната с отдельным входом и им (разумеется, вместе с Наумом) там будет прекрасно; что Верочка – это не ребенок, а чудо...

Голос ее вибрировал от избытка впечатлений и эмоций. Под влиянием этого разговора Наум напился с тем же результатом, что и накануне. В полной прострации он провалялся еще двое суток на диване, даже не включая телевизор. А на пятый день (был четверг) позвонила лучшая Светина подруга и попросила его куда-нибудь вечером не уходить.

Подруга пришла не одна, вместе с ней ввалилась вся их компания в таком полном составе, в каком они давно не собирались. С продуктами, выпивкой, шутками и прибаутками. Бурное их веселье носило какой-то немного истеричный характер. Быстро общими силами накрыли стол. Наум хотел было сказать, что рановато они пришли, сегодня еще не седьмой день, – имея в виду поминки по еврейской традиции. Хватило соображения сдержаться. Но все друзья, особенно женская половина, смотрели на него с сочувствием, вполне соответствующим этой невысказанной остроте. А любимая Светина подруга подошла к окну и выглянула из него с таким ужасом, как будто хотела проверить, убьется Наум, если в приступе отчаяния выбросится из окна, или, даст бог, останется жив.

Но если что-то могло заставить Наума взяться за ум, так именно этот визит. Все-таки он на доисторической родине привык в течение долгих лет бороться со всеми обстоятельствами и с самим собой за сохранение хотя бы показного самоуважения. Не всегда получалось, последние годы в Израиле он совсем расслабился и махнул на свое реноме рукой. Но закалка-то была! И в тяжелое время Наум призывал на помощь весь свой прошлый многолетний опыт.

## 2

Как и положено научному работнику, он начал с расчетов. Света от щедрот детей оставила ему две тысячи долларов – на первое время, сказала она. Наум твердо решил жить только на свои. Расчеты показали (впрочем, можно было обойтись и без них), что на социальное пособие одиночки в Израиле прожить нельзя. А в этой квартире и в этом районе, да еще без Светиных подработок, и подавно. Всё складывалось одно к одному. Прежде всего, следовало заняться делом – лучшим средством от тоски и депрессии. На прибежище в алкоголе Наум рассчитывать не мог, опыт предыдущих попыток это доказал. Второе – следовало уйти от расслабляющего сочувствия своей компании. В этом желании проявился самолюбивый мазохизм, в значительной степени свойственный ему и раньше. Вывод следовал автоматически: нужно поменять не только квартиру, но и район, и город, то есть переехать куда-нибудь в Тмутаракань: даже в маленьком Израиле есть такие места. Туда, где относительно дешевые квартиры на съем и куда не доберется даже лучшая Светина подруга. Израильская Тмутаракань носит гордое название «города развития».

Почему-то сразу же в его сознании всплыл Маалот – маленький городок, расположенный в лесистой части Верхней Галилеи на высоте 600 метров над уровнем моря. В туристических рекламках он был очень хорош и назывался там «Швейцарией в Галилее». Но Наум побывал в этой местной Швейцарии не так давно проездом, и ему не очень понравилось. Однако теперь всё представлялось иначе. Городок действительно симпатичный, хоть и не слишком ухоженный. Зато отдаленный, а богатая для Израиля природа предгорий действует успокаивающе и умиротворяюще. Выглядевшие вполне естественно лесистые склоны выгодно отличаются от синтетических насаждений перенаселенной Хайфы и ее окрестностей. Здесь можно гордо лелеять свою обиду, ни перед кем не позируя и не пытаясь делать хорошую мину при плохой игре. Правда, Маалот расположен недалеко от границы, что в Израиле всегда вызывает опасения. И к нему примыкает арабская деревня Таршиха. Но последние шесть лет север был самым спокойным районом. Ливан, Сирия и «Хизбалла» (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить) не проявляли признаков агрессии, а от буйных палестинцев городок находится по местным меркам относительно далеко. Впрочем, Наума это мало волновало, он с большим успехом уверял себя, что ему нечего опасаться, так как нечем дорожить. Зато там был не такой убийственно влажный климат, как на побережье. Немолодые репатрианты из СНГ, как правило, не могли себе позволить кондиционер и в летнюю жару на побережье испытывали муки днем и ночью, а в горной местности в основном только днем – ночью было полегче.

План, как и следовало ожидать, первое время давал отличные результаты. Наум загрузил себя до такой степени, что на страдания и бессонницу ни сил, ни времени уже не оставалось. Очень много усилий отняли поиски квартиры в другом городе. Телефон в этом ему почти не помогал: слишком часто отвечали на иврите. В таких случаях Наум говорил одно из немногих знакомых ему ивритских слов – «слиха» («извините») – и безропотно отключался от абонента. Приходилось брать ноги в руки и самому отправляться на поиски – труд нелегкий, даже учитывая небольшие, по советским меркам, расстояния. Бесконечные пересадки с автобуса на автобус в период уже начавшихся осенних пыльных и душных хамсинов, осмотр похожих друг на друга запущенных и облезлых квартир, переговоры с посредниками и хозяевами – только человек, прошедший через это горнило, может по-настоящему оценить подвиг нашего уже немолодого героя.

В конце концов он действительно остановил свой выбор на Маалоте.

Он снял невысокую пристройку, прислонившуюся к задней стене солидного, но очень облезлого двухэтажного дома. В Израиле такие пристройки в свое время были распространены, да и сейчас в старых районах они не редкость. Дом с пристройкой были расположены на неболь-

шом, относительно плоском участке, в гордом одиночестве – от остальных зданий он был отрезан дорогой, ведущей в город. По другую сторону, метрах в двадцати от пристройки, начинался крутой спуск в долину, местами почти обрыв. Фасад главного здания снизу вверх смотрел на каскад улиц и домов, ярусами поднимающихся к центру, а из окон пристройки Наума открывался веселенький вид на красные крыши коттеджей и на маленькое искусственное озеро (которое бы в Украине называлось попросту прудом), расположенное довольно далеко внизу, в долине.

Видимо, отдаленность дома не способствовала популярности его среди квартиросъемщиков. А если жильцы и были, то заботы о доме явно не проявляли. К нему уже много лет не прикасалась рука человека, за исключением случаев, когда нужно было что-то ободрать, отбить, исцарапать или испачкать. Но до сих пор было заметно, что в свое время этот дом строился добротнo, для солидной семьи и за солидные деньги. Главное здание, судя по всему, давно и безнадежно дожидалось нового хозяина. А следов жизни в пристройке вообще не было заметно.

Словоохотливый агент из конторы по найму прямо вон из кожи лез, чтобы соблазнить неожиданного кандидата. Но что можно было придумать, глядя на запущенный участок, отслаивающуюся штукатурку и прочие прелести?

– Кладка в два ряда роскошных кирпичей. Как крепостная стена. Их пушками не пробьешь.

– Какой дурак станет пробивать их пушками? – досадливо поморщился Наум.

Но он ошибался. Желаящие впоследствии нашлись.

Агент изменил направление агитации на ходу. Такие стены полуметровой – немного увеличил он – толщины делают помещения теплыми зимой и прохладными летом.

– Без подогрева и без кондиционера? – не удержался от ехидной реплики Наум.

– Именно так, – не смутился, судя по произношению, недавний репатриант с Украины: уж очень ему нужны были деньги. А в доказательство указал на действительно отличные кирпичи, то здесь, то там выглядывающие из-под облеслой штукатурки. Впрочем, их можно было наблюдать и внутри помещения. Жутковатое зрелище. И до ближайшего продуктового магазина было неблизко. Зато одиночество было гарантировано и арендная плата невысока. Вдвое меньше той, которую Наум платил в Хайфе. При такой квартирной плате на пособие можно было прожить – если постараться, конечно.

Пристройка состояла из большой, около сорока квадратных метров комнаты, в которой вполне могли разместиться спальня, гостиная и рабочий кабинет одновременно, и солидной, по израильским меркам, кухни. Между ними размещался туалет и ванная комната, с настоящей большой ванной, что в таких пристройках не часто встретишь. Всё было запущено, но фронт строительных работ, который ожидал Наума, мог стать огромным плюсом в борьбе с неотступающей депрессией.

Договорились, что стоимость материалов для ремонта Наум будет вычитать из и без того низкой арендной платы, зато свой труд он предоставит даром. На том и порешили. Наум перевез свой скарб из Хайфы и, хмыкнув (не боги горшки обжигают), принялся за дело.

Он не был мастером на все руки, но трудолюбие, педантичность и добросовестность частенько стоят не меньше, чем квалификация. А торопиться ему было некуда.

Прежде всего он перевел к себе из Хайфы телефон и Интернет и теперь по-прежнему мог общаться со Светой. Там, в Америке, при энергичном хозяйничанье Светы и еще более энергичном управлении Нади всё налаживалось. Няня Белла, поплакав, нашла себе новое место. Женя безропотно поступил в солидный (и не слишком дешевый) колледж. Его босс, разочарованный последним поворотом событий, нехотя оставил бывшему любимцу два-три вечерних часа для подработки – гроши. Надежда (теперь уже Наум стал ее называть Надеждой) начала новый цикл учебы и работы в фирме. Она уже призналась мистеру Пауделлу в содеянном, так

что на увеличение обещанной ей заранее очень небольшой зарплаты могла пока не рассчитывать. С деньгами в семье было туго, зато во всём остальном неплохо. Света получила полную медицинскую страховку и даже что-то около трехсот долларов ежемесячно на питание, что в их скудном бюджете было нелишним.

Основной темой разговоров были успехи детей и изумительное поведение Верочки. Наум изо всех сил старался гордиться и радоваться вместе с ней, но полного соучастия не было. И это его расстраивало. Это свидетельствовало о природной зловредности его характера, а значит, он вполне заслужил свой безрадостный финал...

К его удивлению, «комбинация», затеянная Наумом – переезд в Маалот и начало ремонтных работ, – шока у Светы не вызвала. Это лучше, сказала она, чем сидеть без дела и есть себя поездом.

– Ну да, *чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.*

– Ньюмочка, так оно и есть. А что в этом плохого? Только помни, что по возрасту и по здоровью ты уже давно не дитя, и ни в коем случае не надрывайся. Потихоньку, полегоньку, будь осторожен— и всё тогда будет в порядке.

Света всегда смотрела в корень и говорила то, что думала.

Дальше шли неизбежные взаимные вопросы о здоровье, о давлении. О простатите, который проявлял себя всё более угрожающе. Отчет Наума о питании всегда вызывал самые большие нарекания.

– Потерпи, родной, – неизменно заканчивала она разговор, – скоро будем вместе.

Когда наступит это «скоро» и где они будут вместе, она не уточняла. Наум не спрашивал.

### 3

Итак, Наум приступил к трудотерапии. Наш доктор, он же кандидат наук, разумеется, всё тщательно продумал. Перечень основных этапов работ выписал на листе бумаги, который вывесил на холодильнике. В основу были заложены два принципа. Первый – непрерывность. У него не должно оставаться свободного времени для того, чтобы задавать себе фатальные вопросы и посыпать голову пеплом. Бессонница должна стать непозволительной роскошью. Но при этом ни в коем случае нельзя перегружаться, нельзя пренебрегать инструкцией Светы – нужно помнить о возрасте. Части тела Наума и без нагрузки готовы были отказать в любое время, очень важно было не доводить их до греха. На входную дверь Наум приклеил любимое израильянами выражение «ляд-ляд» – потихоньку-потихоньку, но в русской транскрипции. Работа должна быть не слишком интенсивной, но непрерывной. Торопитесь медленно!

В Маалоте половину населения составляли русскоговорящие репатрианты, проблема языка, таким образом, перед ним практически не стояла. Наум долго и нудно, что было в его характере, консультировался с продавцами в строительных отделах магазинов. По их совету он познакомился с двумя немолодыми малярами, прекратившими профессиональную деятельность по причине дряхлости. Конкуренцию друг другу эта компания составить уже не могла, и поэтому старички ему выложили всё, что знали. Особо их подкупило основательное отношение Наума к делу: получаемые инструкции он тут же четким почерком старательно заносил в толстую тетрадь. Такого в Израиле они не видели! От удивления один из них дал ему на время стремянку, другой – целый набор инструментов, который, судя по их виду, просто не решался выбросить на помойку. Тем не менее для Наума это было серьезной экономией в его хлипком бюджете.

Самым трудоемким делом оказалась доставка материалов из строительных и хозяйственных магазинов. Их потребовалось на удивление много, а денег на оплату транспорта, естественно, не было. Науму пришлось искать выход. Он спрятал гордость в карман, разыскал кем-

то выброшенную детскую коляску для близнецов, устаревшей конструкции, с большими колесами, и, насколько хватило умения и фантазии, замаскировал ее под рабочую тележку.

Регулярные медленные передвижения солидного человека в очках с бывшей детской коляской туда и обратно, туда и обратно не могли остаться незамеченными в маленьком городке. Постепенно Наум стал заметной фигурой – нет, не городским сумасшедшим, для этого он был слишком аккуратен и интеллигентен, но местной достопримечательностью определено. Впрочем, Наум об этом не догадывался. Никаких контактов, даже отдаленно напоминающих дружеские, он в городе не завел. Не было ни времени, ни желания. Впрочем, он и прежде не отличался повышенной общительностью, а теперь тем более. Но чувство юмора у него все-таки не исчезло полностью, и сам себе он иногда казался чем-то вроде одинокого Робинзона Крузо посреди 15-тысячного населения Маалота. Горький юмор. Только Пятницы ему не хватало. Впрочем, кандидат на роль Пятницы уже присматривался к нему из дома напротив. Но об этом чуть позже.

Трудовой день Наума начинался часов в семь-восемь утра, дотемна он работал на улице, а затем ковырялся в доме при электрическом освещении, пока сон буквально не укладывал его насильно в кровать. В основном всё шло по заранее обдуманному плану. Трудотерапия помогала. Но были и срывы, особенно ночью. Коварную роль играл развивающийся простатит. Нужно было два-три раза за ночь вставать в туалет – и при этом умудриться не проснуться. Но иногда сон внезапно пропадал, и тогда тоска вместе с обидой мертвой хваткой стискивали горло. Почему так получилось? За что? Человек, защитивший диссертацию и начитавшийся каббалы, неизбежно приходит к выводу, что всё имеет свои причины. Какую фатальную ошибку он совершил в начале жизни, где та цепочка событий, которая привела его к столь сокрушительному фиаско в конце ее?

Ни к каким разумным выводам он не приходил. Только к одному – нужно увеличить нагрузку.

Дни шли за днями. Пристройка постепенно приобретала божеский вид, лужайка перед ней, огороженная остатками низкого забора, была очищена от сорняков, сам забор подправлен и выкрашен. Дело двигалось. А хозяин, он же и батрак, постепенно втягивался в одиночество.

В один из пыльных и душных хамсинных дней Наум на лужайке ожесточенно боролся с остатками упорных, вгрызшихся в почву сорняков. Как обычно, возле двери стоял маленький рассыпающийся столик, возле него – дешевый пластмассовый стул. На столе – бутылка воды, кастрюля с фруктами, прикрытая от пыли крышкой. Привычная картина.

Стоя на коленях, кряхтя и поминутно хватаясь за поясницу, Наум воевал с упрямым корнем, который, казалось, уходил к центру земли. Неожиданно за спиной раздалось довольно громкое покашливание. Наум обернулся и увидел в двух шагах от себя невысокую полноватую женщину с ярко-рыжими пышными волосами. На вид ей было, пожалуй, лет шестьдесят – шестьдесят пять. Добродушное, немного грубоватое лицо расплылось в кокетливо-виноватой улыбке. Легкое цветастое платье, довольно смелый для такого возраста (по мнению Наума) глубокий вырез, открывающий немалую часть солидного бюста, заметный макияж – визит явно не носил рабочего характера. Доказательством тому служил и поднос в руках посетительницы. На нем были какие-то предметы, укрытые беленькой матерчатой салфеткой.

– Вы меня простите, что я к вам без спроса. Я ваша соседка во-он из того дома.

И она подносом указала на двухэтажное здание, самое близкое к пристройке Наума, пристившееся над довольно высоким обрывом по ту сторону дороги:

– Я давно за вами смотрю. Как вы трудитесь, всё один да один, без перерыва. Я думаю, нам, соседям, нужно познакомиться. А то как-то не по-людски.

Наум, изо всех сил стараясь не кряхтеть, поднялся с колен.

– Да-да, конечно, это очень приятно, – и замолчал, не зная, что сказать дальше.

– Меня зовут Циля. А вас?

– Наум. Очень, очень приятно.

– Вы разрешите, я немного похозяйничаю?

Не дожидаясь ответа, она решительно повернулась, подошла к столу. Наум – за ней. Чистым стол нельзя было назвать, даже делая скидку на хамсин. Циля протянула поднос Науму. Тот послушно взял. Затем с явным вздохом огорчения она сняла с подноса сияющую белизной салфетку, ловко протерла ею сначала стол, а потом стул. Салфетка стала серой.

Наум взглянул на поднос. Там было пластмассовое блюдо с горкой аппетитных, румяных пирожков, пластмассовая открытая баночка с малосольными – судя по запаху – огурчиками, пластмассовая бутылка с каким-то напитком и несколько вложенных друг в друга стаканчиков, тоже из пластмассы. От этого непривычного изобилия у него потекли слюнки.

– Вот и Пятница появилась! – громко сказал привыкший к беседе вслух с самим собой Наум... и смутился.

– Какая пятница, вы тут уже совсем стали диким. Сегодня йом-ришон. Воскресенье.

Циля опять с огорчением посмотрела на салфетку, искала глазами, куда бы ее пристроить, и ничего подходящего не нашла. Потом бросила ее на ступеньки.

– Пригодится вам на смиртут, – и, увидев непонимание в глазах Наума, перевела: – На тряпки.

Циля говорила с таким ужасающим местечковым еврейским акцентом, что Наум понял: она закоренелый и давний ватик – то есть старожил.

– Давайте сделаем перерыв. Никуда от вас работа не убежит.

Согласия Наума, видимо, не требовалось, потому что Циля продолжала:

– Идите принесите еще стул.

Наум безропотно пошел в дом.

– И не забудьте вымыть руки, – донеслось следом.

Наум выбрал стул покрепче, вытер его и пошел мыть руки.

«Интересно, почему пожилые женщины любят краситься в ярко-рыжий цвет? Это выглядит так искусственно, – размышлял он. – Наверно, они хотят сказать: дело вовсе не в том, что мы хотим скрыть седину. Мы просто любим яркие цвета, любим контрасты».

Наум долго стоял перед холодильником, раздумывая, прилично ли взять с собой початую бутылку вина. Бутылка была соблазнительно холодной. Взял.

Циля встретила появление бутылки как должное.

Через пять минут они сидели за столом напротив друг друга. Пили вино, ели пирожки, закусывая малосольными огурчиками. Беседа была недолгой – минут сорок, но на удивление емкой и информативной. Очень неожиданной для типичного интроверта, каким, без сомнения, был Наум.

Циля начала с рассказа о себе. Она была вдовой с двухлетним стажем, и ее покойный муж (прекрасный был человек, хоть и старше ее намного) в дальнейшем упоминался в любом разговоре с удивительной частотой. Сейчас она на пенсии, живет в своей очень неплохой четырехкомнатной – было подчеркнуто – квартире с 35-летним сыном, который никак, ну никак не хочет жениться. Приехали они в Израиль из Батуми в конце семидесятых годов. Наум с удивлением узнал, что она до эмиграции закончила педагогический институт, хотя, судя по всему, на ее образованности это не отразилось. Пройдя нелегкую школу эмиграции, включая тяжелую работу на конвейере в какой-то мастерской, она наконец пристроилась в мэрию социальным работником. И в этом нашла свое призвание. Она помогала очень многим, и в гости к Науму пришла, движимая этим же благородным чувством. Тут же, почти без перехода, она сообщила, что человек не может быть один, это противно Богу. И она тоже не собирается быть долго одна, все ее подруги в один голос говорят, что она этого не заслужила.

– А почему вы всё один да один? – напрямую бесхитростно спросила она. – Вы не похожи, простите меня, – как это слово? – на неужоженного старого холостяка. Они все на

вид, извините, как эти старые козлы. А вы – нет. У вас, хасва халила (не дай Бог), ничего не случилось?

И она уставилась на Наума своим профессиональным внимательным взглядом человека, привыкшего выслушивать всю подноготную.

«Беспардонная баба, – подумал Наум. – *Нахальство – второе счастье*». Он был шокирован, но странное дело, при всём при этом Циля его не раздражала. То ли польстило, что он до сих пор выглядит ухоженным и не похож на «этих старых козлов», то ли сказался ее богатый опыт социального работника... А может, слишком вкусными были пирожки и кисленький холодный компот в бутылке? Или проще того – потому что Наум устал держать всё в себе?

Короче, к своему удивлению, он рассказал не отводившей от него глаз Циле практически всё основное о своей жизни. Даже постыдную историю с фиктивным разводом. И с удивлением услышал в рассказе нотки обиды, больше того, робкое осуждение своего семейства. В этих чувствах и в таких крамольных мыслях он даже себе не осмеливался признаться. Но на душе, как ни странно, полегчало...

После этого взаимного потока откровенных излияний было сложно продолжать беседу. Возникла небольшая и неловкая пауза. И тогда Циля проявила неожиданную чуткость, решительно поднялась с места и попрощалась:

– Як вам зайду на днях. Не скучайте. Человек не должен быть один. Это не по-людски. И противно Богу. Было очень приятно.

– И мне было приятно.

Наум долго смотрел вслед невысокой плотной фигурке под копной сверкающих на солнце медных волос.

Так у него появились наконец собеседники на новом месте – правда, пока в единственном числе.

Циля стала приходить регулярно, дня через два, иногда через три. Дома ей было скучно, подруги работали, сын, естественно, тоже. А с Наумом ей было интересно, и потом, он нравился Циле как мужчина. Об этом без тени смущения она объявила в один из первых же визитов, чем вызвала растерянность у объекта симпатии. Когда он начал мямлить что-то вроде «мое положение...», «у меня есть обязанности...», она прекратила эти объяснения своим любимым «Да бросьте вы!» – и перешла к какой-то другой теме.

Наум знал, что «кавказцы» в Израиле пользуются не слишком хорошей славой. К счастью, у Цили было не так много черт, которые им приписывала молва. Правда, она была достаточно бесцеремонна, настырна и в словах и в делах. Временами грубовата, а случалось, даже беспардонна. Словом, излишними интеллигентскими комплексами не страдала. Но при этом – удивительное сочетание – доброжелательна, неназойлива и по-своему тактична. Во всяком случае, Науму она не только не досаждала, но и помогала, чем могла.

С подносом она больше не приходила. Вместо этого приобрела пластмассовую корзинку, из тех, что применяют во многих супермаркетах. Каждый раз она приносила что-нибудь домашнее, приготовленное своими руками. Пирожки, голубцы, долму, что-то восточное, вроде люля-кебаба. Наум вначале очень смущался, но всё было настолько вкусно, что, услышав привычное «Да бросьте вы!», он прекращал сопротивление.

Потом привык. Вносил свою долю – уже заранее купленную бутылку хорошего вина и фрукты. Сосиски и колбасу – свою обычную пищу – предлагать не осмеливался. Не стоило портить впечатление от приятного обеда. Правда, один-другой пластмассовый стаканчик вина немного мешал работе, зато значительно улучшал настроение.

Довольно скоро Циля стала вторгаться на кухню. Мыла посуду, наводила порядок в холодильнике, прибиралась немного на кухонном столе и плите, насколько это было возможно в хаосе строительства. Возражения Наума она не слушала: «Да бросьте вы, идите уже и работайте».

Наум опасался, что необходимость общаться с Цилей не только во время обеда помешает его работе. Нельзя же невежливо бросить человека, так бескорыстно ухаживающего за ним. Напрасно волновался. Циля решила проблему просто. Куда бы ни перемещался Наум, за ним следом с пластмассовым стулом перебиралась его гостья, усаживалась вблизи и неспешно продолжала беседу. То есть говорила она, а Наум время от времени должен был вставлять «да», или «ага», или что-то в этом роде. Совсем необременительно. И содержание бесед тоже не требовало больших умственных усилий. Кроме регулярных упоминаний о муже, который был хорошим человеком, хоть и намного старше ее, обсуждалось ужасное нежелание сына жениться. Перемысливались косточки подругам, которых она все-таки любит, несмотря на их многочисленные недостатки. И вслед за этим плавный переход к неизменной теме: мужчина не должен быть один и женщина не должна быть одна. А уж такая симпатичная, как она, тем более. Все ее подружки так говорят. В качестве иллюстрации часто приводились примеры из сериалов, которых Наум, естественно, не видел.

Цилину беседу Наум слушал вполуха, без малейшего раздражения, – всё равно это было лучше, чем время от времени слышать свой надоевший ворчливый голос, в очередной раз высказывающий недовольство. Но конец разговора его обычно расстраивал. В конце Циля обязательно предпринимала наступление на заокеанскую Ньюину семью и делала это изобретательно. От души.

– Вы, конечно, молодец. Держитесь. Я вообще не понимаю, как можно было бросить такого мужчину на произвол – судьбы. В таком возрасте.

Наум не выдерживал:

– Циля, вы извините, никто не бросал. Я же говорил. Любая мать должна помочь ребенку.

Вы же тоже...

– Сколько ему лет? Ее сыну?

– Тридцать один.

– А вам?

Наум промолчал. Он так и не научился называть свой возраст. Не из-за кокетства. Произнесенные вслух цифры пугали его самого. Циля, впрочем, и не ждала ответа.

– Так какому ребенку надо помочь? Вам или ему? Пока не поздно?

Она позволяла себе не церемониться.

Или, рассказывая с искренним сочувствием о том, как взрослые дети безобразно относятся к ее соседке, она тут же добавляла:

– И это родные дети. Чего же вы хотите от вашего неродного? Чему удивляться?

Или еще такой вариант:

– Я не хочу ни на кого намекать, – конечно, верить в людей надо, но не зря в Книге сказано, что, единожды предавши...

Прямо под дых.

Не слишком обращая внимание на реакцию Наума, она продолжала вариации на эту тему. Короткие реплики, не очень агрессивные, но регулярно. А Наум... Наум постепенно перестал остро на это реагировать, а со временем даже стал чувствовать какое-то, по его мнению, явно нездоровое удовольствие оттого, что нашелся наконец человек, который его защищает. Пусть не всегда справедливо, зато искренне. А может, в чём-то и справедливо...

Циля определенно имела большой опыт общения с обиженными людьми. Знала, где, когда и на какую чувствительную точку надавить...

Впрочем, никаких реальных оснований обижаться на Свету у Наума со дня ее отъезда не добавилось. Скорее наоборот. Она была по-прежнему внимательна, куда более ласкова, чем обычно. В прежние времена у них чрезмерные сантименты и сюсюканье были не в ходу. Не в ее характере. Сейчас через каждые два слова следовало или «миленький», или «родненький». И это были не только слова. Заранее было решено, что Наум приедет к ним в гости на два жарких

летних месяца, которые в Сан-Диего тоже, правда, далеко не морозные. Но так как лишних денег в их семье не водилось и нужно было учесть болезненно-самолюбивую щепетильность обиженного Наума, она стала подрабатывать на будущий его приезд. Когда Надя возвращалась с работы, Света два раза в неделю на три-четыре часа передавала ей Верочку и бразды правления и уходила убирать офисы по соседству. Ей пришлось выдержать бой с Женей и Надей, которым было неловко перед собой и перед друзьями. Да и непрестижно выглядело это даже в трудолюбивой Америке. Но Света настояла на своем, хотя в ее возрасте такие нагрузки даром не давались.

– Родненький, теперь ты летом к нам приедешь на свои кровные. Не будешь дурью маяться, а то я тебя знаю...

– Ты же сама говорила, что нельзя забывать о возрасте.

– Ничего, на мне еще можно воду возить. Мы с тобой выдержим, вытерпим, Ньюмочка, а потом заживем как люди. Возле детей.

Вот это и было самое ужасное. Света даже сама не замечала, насколько она внутренне утвердилась в решении в Израиль не возвращаться.

Она уставала, сеансы связи становились всё реже. Надя и Женя в них участвовали только эпизодически: все были страшно загружены. Надежда – воистину железная леди – была подчеркнута внимательна и доброжелательна. А по смущенному Жениному лицу было видно, что он чувствует себя виновным в одиночестве отчима и искренне расстраивается от этого. Не такой уж он эгоистичный, как временами казалось Науму. И не настолько Наум одинок в этом мире...

Женя купил хороший и дорогой цифровой фотоаппарат, и время от времени они посылали ему фотографии дома, лужайки, на которой по субботам готовили шашлыки. Стол ставили под специальным красивым навесом, дающим мягкую решетчатую тень. По воскресеньям молодые обычно выезжали куда-то на рыбалку. Света в воскресенье оставалась дома: слишком она уставала и иногда, признавалась Науму со вздохом, просто нуждалась в тишине и одиночестве.

У детей образовалась более или менее постоянная компания. Естественно, приятель Жени Анатолий с женой, еще одна живущая по соседству семья польского происхождения и, к удивлению Наума, негритянская пара. Негры, или, как говорила политкорректно Света, черные занимали вторую половину их коттеджа. Все молодые люди были примерно одного возраста, все или учились, или уже закончили учебу в колледже, у всех – так говорила Света – было много общего.

Судя по фотографиям, это были довольно симпатичные ребята, и черные лица не выпадали из ансамбля. Тем более что Наум давно привык к здешним еврейским эфиопам. Впрочем, по словам Светы, по-настоящему черным, с губами и зубами, как у Армстронга, был только отец этой пары. Он тоже иногда смутно виднелся на фотографиях: его плотный курчавый полуседой ежик кое-где выглядывал из-за чьей-нибудь фигуры. Говорят, сплетничала Света, его покойная жена была белая или почти белая, но к этому в Америке давно привыкли.

Наум с удовольствием рассматривал на экране компьютера сочные качественные снимки. Видел довольных собой и раскованных молодых людей, ухоженных и здоровых детей. Нет, думал он, правильно ребята сделали, что уехали в Америку.

Но почему тогда он взял тысячу долларов из денег, оставленных Светой, которые прежде решил не трогать никогда и ни за что? Почему купил на эти деньги ярко-красный волнистый, отнюдь не дешевый специальный материал для крыши и установил возле дома довольно основательный навес? Даже нанял в помощники для его постройки одного недавнего репатрианта за целых сто пятьдесят шекелей (одному это сделать было не под силу). Почему под навесом сделал ровную цементную площадку? Зачем он тратился на временное жилище? Почему купил из тех же денег круглый садовый пластмассовый стол и четыре вставляющихся один в другой

удобных пластмассовых стула? Какой все-таки чёрт сидит в нем? Почему он даже не пытается остановить Цилю, которая находит всё более и более изощренные способы, чтобы открыть ему глаза на истинное положение вещей?

Наум объяснял это себе просто: *«Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».*

## 4

*Все́му на свете приходит конец.*

Намеченные планы были выполнены. За два месяца и двадцать дней.

Наум отошел подальше от дома, остановился почти возле края обрыва, критически осмотрел свою работу и остался доволен увиденным. Больше всего он хотел, чтобы пристройка не выглядела такой унылой, какой ему представлялась его собственная жизнь. Старательности у него хватало, фантазии тоже, но со вкусом были проблемы. Частенько сил и мастерства хватало на обработку в один присест только небольшого участка поверхности, эти участки не слишком стыковались и не всегда получались однотонными. Изобретательный Наум проводил между ними приятную, по его мнению, розовую линию, маскируя дефекты под модерн. Общее впечатление было оригинальным. Зеленые оконные рамы, оранжевая дверь, светло-коричневые ступеньки, жизнерадостная небесно-голубая полоска под крышей, то тут, то там розовые пятна. Красная крыша навеса... Пристройка выглядела как вскочивший на облезлой спине старого здания свеженький веселенький фурункул, переливающийся всеми цветами радуги. Вскоре она тоже стала местной достопримечательностью, жаль только, что из-за массивного облезлого домины эта красота плохо просматривалась из города.

Впрочем, был окончен ремонт, но не работа. Осталась самая страшная ее часть – генеральная уборка. При одной мысли об этом Наум покрывался холодным потом, а волосы на голове не становились дыбом только из-за их отсутствия. Это было страшнее любого фильма ужасов. Отмыть, стоя на карачках, заляпанный многими слоями пол, отодрать налет на ванне и унитазе, отдраить старую кухонную плиту, промыть и протереть шкафчики, привести в боже-ский вид заляпанный с головы до ног холодильник, почистить и пропылесосить мебель – этому списку не было ни конца, ни края. А расставить всё так, чтобы было похоже на что-то приличное, а не на казарму для бомжей?..

Наум поскреб по сусекам и подсчитал, что двести шекелей на уборщицу он выделить еще способен. Тем более это действительно был крайний случай: его поясница недвусмысленно советовала не нахальничать и давала понять, что в любой момент готова перестать сгибаться-разгибаться. Может, и навсегда. Но где найти желающих?

Он, естественно, попросил Цилю помочь ему подыскать уборщицу на неплохих условиях – двести шекелей за шесть часов нелегкой работы. Цена нормальная. Просьба была высказана по телефону: они уже давно перезванивались. На том конце провода наступила пауза. Наума это не удивило: он кое-какой опыт в Израиле приобрел и знал, что народ на уборку после ремонта идет очень неохотно.

Но, к его удивлению, Циля сказала, что такой человек у нее есть на примете. Обещала перезвонить.

Вечером она сказала, что женщина будет у него завтра в девять утра.

– Молодая?

– Молодая, молодая.

– Здоровая?

– Здоровая, здоровая.

– Не каждая выдержит.

– Эта выдержит.

Наум рано лег спать, нацепив пояс из собачьей шерсти, привезенный еще из Одессы. Словом, сделал всё возможное, чтобы встретить завтрашнее испытание во всеоружии. И подбодрил себя очередной цитатой: *«Это есть наш последний и решительный бой»*.

На следующее утро к девяти часам пришла Циля, на этот раз с двумя корзинками. В одной, как обычно, были продукты, а в другой «хомер» – материал по-русски. Наум уже знал, что таким емким определением здесь называют различные средства для уборки, стирки, ядохимикаты и многое другое. На голове у нее была косынка, футболка непривычно скрывала все прелести сверху, а спортивные шаровары – снизу.

– Вот вам и работница. Молодая? Здоровая? Выдержит?

Наум растерялся:

– Циля, я не могу принять...

– Вы обещали заплатить, я деньги возьму, всё как договорились.

– Но мне неудобно...

– Ох, бросьте вы. Идите уже и начинайте.

Наум еще долго оправдывался, объяснялся, что-то виновато бурчал себе под нос, но потом, как это обычно у него заканчивалось в дискуссиях с Цилей, смирился.

Два дня они трудились не покладая рук, но в результате квартиру было не узнать. И удивительнее всего, что в этом холостяцком доме впервые почувствовалась женская рука. По тому, как была расставлена мебель, как там, где нужно (и только там, где нужно), лежали покрывала, клеенка и салфетки; особенно по ванной, снабженной веселенькой занавеской в разноцветную крапинку и специально купленным по Цилиному совету недорогим зеркальным шкафчиком; по аккуратно размещенным вещам в шкафах и на полках – по всему было видно: здесь живет ухоженный мужчина, а не какой-то там «старый козел».

Этот женский дух был настолько силен, что Наум не удержался и изрек:

– *Без женщин жить нельзя на свете, нет!* Вы, Циля, настоящая волшебница.

После этих слов бесконечно усталая Циля приободрилась и даже почти перестала чувствовать, что у нее тоже отваливается поясница.

– Ну так как? – торжествующе спросила она. – Как я выполнила ваш заказ? Как и договаривались? Работница молодая?

– Молодая, молодая, – в тон ответил Наум.

– Сильная?

– Сильная, сильная.

– Красивая?

Это уже было сверх программы, красоту Наум при заказе не требовал. Но тем не менее он ответил не задумываясь:

– Безусловно.

Расхрабрившаяся Циля сказала, что в таком ужасном виде идти домой не может, и решила обновить ванну. Наум принес ей свое самое красивое полотенце и ушел на кухню.

– Наум, не могли бы вы потереть мне спинку? – неожиданно донесся из ванной игривый голос Циля.

В этот критический момент Наум проявил находчивость и остроумие. Он сделал вид, что не только принял это заявление за удачную шутку, но и высоко оценил ее. Он хохотнул и сказал:

– Ну вы двужильная! У вас еще сил хватает на шуточки...

Нет, это было преувеличение. Сил у них уже не осталось даже на совместный ужин. Циля попрощалась, Наум проводил ее до дороги, и она ушла к себе наверх, изо всех сил стараясь не хромать и не потирать поясницу.

В последующие два дня они с трудом приходили в себя и общались только по телефону.

А за эти дни произошли не менее важные события местного значения.

Оказалось, что Наум закончил ремонт как нельзя вовремя. Прежде он мог стучать и греметь хоть целые сутки, никому не мешая. Но сейчас малина кончилась: у него появились соседи. Всё произошло очень быстро. Сначала на несколько часов появились рабочие, сделали косметический ремонт внутренних помещений, обдав из пульверизатора раствором всё подряд. Побелка не успела еще толком высохнуть, как пришли две новые репатриантки и кое-как кое-что вымыли (Наум не мог сдержать любопытство и время от времени заглядывал в соседнюю квартиру). И уже на следующее утро начался заезд новых жильцов – видно, обстоятельства поджимали, скорее всего, их откуда-то срочно попросили. А еще через день они уже праздновали новоселье и вежливо, по-соседски пригласили Наума.

Так Наум познакомился с Геннадием Бяльским, его женой Инной и всеми их чадами и домочадцами. Их было восемь человек, и недорогая пятикомнатная квартира подвернулась, судя по всему, очень кстати.

Номинальный глава семьи Гена был мужичок лет шестидесяти, невысокого роста, поджарый, седоватый, но еще бодрый. Он чуть-чуть косил, и это придавало ему вид пройдохи и хитреца, что совершенно не соответствовало действительности. Гена был человеком покладистым, необидчивым и, безусловно, компанейским. А уж надуть кого-нибудь ему и в голову не приходило. В сущности, у него было только два недостатка, которые, по расхожему стереотипу, являются типичными для истинно русского характера: он был ленив и любил выпить. Сам Гена, человек откровенный, свой «русский характер» не скрывал и говорил:

– Я на своем примере доказываю, что еврей бывает всякий, а значит, мы вовсе не какие-то там избранные, как говорят ортодоксы. Люди как люди.

«И за что только нас не любят?» – частенько вопрошал он, поднимая рюмку.

У себя в Витебске он работал на каком-то заводе агентом по снабжению. Главным для него было движение. Шило в задую— говорила о нем Инна. Он и в Израиле органически не мог находиться дома и бродил по городу, знакомясь, беседуя, а заодно предлагая желающим что-то просверлить, что-то починить или, на худой конец, перетащить, если, конечно, вещи не слишком тяжелые. Заработанные им деньги, как правило, до семьи не доходили – по причинам, объясненным чуть выше.

Не главой, зато кормилицей семейства была мамаша Инны, сухонькая боевая старушка лет под девяносто, прошедшая закалку в немецком концлагере: на ее пособие и выплаты из Германии семья в основном и перебивалась.

Инна и две ее дочери тоже вносили посильную лепту в семейный бюджет, время от времени ухаживая за престарелыми. Но ни с бабками, ни с фирмами по найму у них постоянные отношения не складывались. Дочери были удивительно похожи на мать и друг на друга – неторопливые, рыхлые и какие-то снулые. У старшей было двое детей от двух бывших мужей, у младшей только один – на этом их различие и заканчивалось. Глядя на их житье-бытье, Наум понимал, почему Геннадий не стал домоседом.

Таким образом, у Наума появился еще один собеседник: Геннадий стал время от времени посещать не слишком разговорчивого соседа, чтобы посидеть под симпатичным навесом на удобных стульях. Отдохнуть после трудов праведных в городе Маалоте. И не только отдохнуть. Он появлялся с результатом этих праведных трудов – неизменной литровой бутылкой любимой им дешевой водки «Александров» и нейлоновым пакетиком колбасы на закуску. Одинокий сосед ему подвернулся очень кстати, так как Геннадий не любил «соображать» в парке на скамейке с алкашами, а в израильских кафе скрытно потреблять принесенную с собой водку не принято. Под навесом одной бутылки хватало на три-четыре раза, Геннадий норму знал и не перебарщивал. Хранились остатки обычно у Наума, «подальше от бабских глаз – начнут пилить...». Вскоре Наум сообразил, что, пока бутылка недопита, Гена ищет в городе не заработка, а только общения. Он был нетребователен и, как уже отмечалось, далеко не трудоголик.

Пить Наума он не заставлял, лишь символически, за компанию, чтобы самому не выглядеть алкашом. Но как-то само собой получалось, что символ с течением времени постепенно увеличивался в количестве. И опять, как в аналогичной ситуации с Цилей, Наум чувствовал себя неловко, каким-то нахлебником. Впрочем, выход нашелся: Гена однажды объявил, что лучшая закуска – это селедка с картошкой. С тех пор в морозилке у Наума всегда хранился запас филе сельди, а приготовить картошку в микроволновке было делом пяти минут. Домой Геннадий никогда в таких случаях не торопился.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.